

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Марк Твен

Похождения
Тома Сойера

Имя необыкновенного американского писателя Марка Твена неразрывно связано с именем самого известного его персонажа — озорника и непоседы Тома Сойера. Свободолюбивый Том во многом является отражением самого автора, впрочем, не только автора, но и многих его читателей, ведь все мы родом из детства. Двенадцатилетний Том и его верный товарищ Гекльбери Финн, жители небольшого провинциального американского городка в Америке. За короткое время приятели успеют побывать детективами и пиратами, заблудиться в пещере и отыскать клад.

«Похождения Тома Сойера» — одна из самых известных и читаемых в мире книг. И это не удивительно, ведь у сорванца Тома есть чему поучиться и взрослым, и детям: не только хитрости и находчивости, но также юмору, искренности и безграничной любви к жизни.

Марк Твен

Похождения Тома Сойера

Предисловие автора

Большинство приключений, о которых повествует эта книга, не вымышлены; два-три пережиты мною самим, остальные мальчиками, которые были моими школьными товарищами. Гек Финн списан с натуры; Том Сойер тоже, но не с одного лица; в нем скомбинированы характерные черты трех мальчиков, которых я знал; стало быть, он принадлежит к смешанному стилю архитектуры.

Странные суеверия, о которых упоминается в конце, господствовали среди детей и рабов на Западе в эпоху, к которой относится рассказ, то есть тридцать-сорок лет тому назад.

Хотя моя книга предназначается главным образом для мальчиков и девочек, но я надеюсь, что это не оттолкнет от нее мужчин и женщин, так как отчасти моим намерением было напомнить в шуточной форме взрослым, какими они были в свое время, что они тогда чувствовали, думали и говорили, какие необычайные предприятия иной раз затевали.

Марк Твен
Гартфорд, 1876

Глава I

Эй, Том! — Тетя Полли поступает по внушению долга. — Том упражняется в музыке. — Вызов. — Через окошко.

— Том!

Ответа не было.

— Том!

Ответа не было.

— Куда подевался этот мальчишка, не постигаю! Том!

Старая леди опустила очки и взглянула поверх них, осматривая комнату, потом приподняла очки и взглянула из-под них. Сквозь очки она редко или никогда не смотрела на такую мелочь, как мальчик, так как это была ее парадная пара, гордость ее сердца, заведенная ради моды, а не для употребления; она с одинаковым успехом могла бы смотреть сквозь пару печных заслонок.

С минуту она озиралась с недоумением, затем сказала без гнева, но достаточно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

— Ну, попадись ты мне, я...

Она не закончила, так как в это время нагнулась, чтобы засунуть щетку под кровать, и ей пришлось перевести дух, как бы поставить точку своим усилиям. Она потревожила только кота.

— Никогда мне не сладить с этим мальчишкой.

Она подошла к открытой двери и выглянула в садик, всматриваясь в заросли томатов и дурмана. Тома не было. Тогда она повысила голос в расчете на дальнейшее расстояние и крикнула:

— То-о-ом!

Позади нее послышался легкий шум, и она обернулась как раз вовремя, чтобы поймать за ворот маленького мальчугана и помешать ему удрать.

— Вот ты где! Я и забыла о чулане. Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего?.. Посмотри-ка на свои руки, посмотри на свои губы. Что это такое?

— Не знаю, тетя.

— А я знаю. Это мармелад, вот что это такое. Сколько раз я тебе говорила, что, если ты будешь трогать мармелад, я тебя выдеру. Подай хлыст.

Хлыст взвился в воздухе. Опасность грозила неминуемая.

— Ай!.. Взгляните назад, тетя!

Старая леди повернулась и машинально схватилась за свои юбки, спасая их, а мальчуган моментально задал стрекача, вскарабкался на высокий забор и исчез за ним. Тетка Полли с минуту стояла в недоумении, а затем благодушно рассмеялась.

— Пора бы мне знать этого негодного мальчишку. Сколько уж раз он устраивал такие же штуки, чтобы отвлечь от себя мое внимание. Но старые дураки неисправимы. Старую собаку не выучишь новым штукам,

говорит пословица. И то сказать, ведь он каждый раз выдумывает что-нибудь новое, изволь тут за ним угнаться. Он как будто знает, сколько времени меня можно мучить, прежде чем я рассержусь; знает и то, что если ему удастся рассмешить меня, то его дело в шляпе, и у меня не хватит духу задать ему трепку. Я не исполняю своего долга по отношению к этому мальчику, видит Бог, не исполняю. Кто жалеет розгу, тот губит ребенка, говорит мудрая книга. Я возвращаю грех и погибель для нас обоих, это как Бог свят! В мальчике сидит бес, но как же мне быть-то! Ведь он, бедняжка, сын покойной сестры, и у меня не хватает духу его сечь. Всякий раз, как спущу ему, меня мучает совесть; а как побью, мое старое сердце готово разорваться. Ну, что поделаешь, человек, рожденный женою, краткодневен и насыщен печалью, говорит Писание, и я думаю, так оно и есть. Сегодня вечером он прогуляет школу, и мне придется завтра усадить его за работу, в наказание. Жестоко заставлять его работать в субботу, когда все ребята гуляют, но он ненавидит работу больше всего на свете, и мне надо же хоть сколько-нибудь исполнять свой долг по отношению к нему, иначе я погублю этого ребенка.

Том прогулял школу и провел день очень весело. Он вернулся домой как раз вовремя, чтобы помочь Джиму, цветному мальчику, напилить дров на завтра и нащепать лучины к ужину, — по крайней мере, вовремя для того, чтобы рассказать Джиму о своих похождениях, пока Джим исполнил три четверти работы. Младший брат Тома (точнее сводный брат), Сид, уже кончил свою работу (собираение щепок), так как он был тихий мальчик, не сорванец. Пока Том ужинал и по мере возможности таскал сахар, тетка Полли предлагала ему вопросы, полные коварства и чрезвычайно глубокие, так как рассчитывала вытянуть из него важные разоблачения. Подобно многим простодушным существам, она немножко гордилась своим талантом в темной и таинственной дипломатии и свои самые прозрачные намеки считала чудесами тонкого подвоха.

— Том, — сказала она, — в школе было довольно-таки жарко?

— Да.

— Очень жарко, правда?

— Да.

— Небось, тебе хотелось выкупаться, Том?

Том встрепенулся, у него мелькнуло подозрение. Он пристально взглянул на тетку Полли, но ничего не прочел на ее лице. Он ответил:

— Нет... так себе, не очень.

Старушка протянула руку и пощупала рубашку Тома.

— Но теперь тебе не жарко, нет?

Ей было лестно думать, как ловко она убедилась, что его рубашка суха, не дав никому понять, что это и было у нее на уме. Но Том уже сообразил, куда ветер дует, и поспешил предупредить новый возможный подвох с ее стороны.

— Мы обливали головы у насоса, и мои волосы еще не совсем высохли. Вот пощупайте.

Тетке Полли было досадно, что она упустила из виду эту маленькую вещественную улику и дала маху. Но тут на нее снова нашло вдохновение.

— Том, тебе ведь не нужно было распаривать ворот рубашки, чтобы намочить голову? Значит, он так и остался, как я его зашила. Расстегни-ка куртку!

Всякий след беспокойства исчез с лица Тома. Он расстегнул куртку. Воротник оказался зашитым.

— Вы подумайте!.. Ну, ступай себе. Я была уверена, что ты прогулял школу и купался. Но я тебя прощаю. Том, я вижу, что ты немножко образумился на этот раз.

Ей было отчасти досадно, что пронизательность ее подвела, но и приятно, что Том оказался хоть раз послушным мальчиком.

Но Сидней сказал:

— Как же это, ведь вы, кажется, зашили ему воротник белой ниткой, а у него черная.

— Да, я зашила белой! Том!

Но Том не стал дожидаться последствий. В дверях он сказал:

— Сидди, я тебя вздую за это.

Находясь в безопасном месте, он осмотрел две иголки, приколотые за обшлагом его куртки, — одна с белой, другая с черной ниткой.

— Если бы не Сид, она бы ничего не заметила, — сказал он. — То она зашивает белой, то черной ниткой. Надо бы за этим смотреть, но я всегда забываю. Зато уж и вздую я Сиду. Убей меня Бог, если не вздую.

Он не был примерным мальчиком деревни. Впрочем, он очень хорошо знал примерного мальчика и терпеть не мог его.

Минуты две, или даже меньше, спустя, он уже забыл о своих неудачах. Не потому, чтобы они были менее тяжелы и горьки для него, чем неудачи взрослых, но потому, что новый и мощный интерес овладел им и вытеснил их из его души; так ведь и неудачи взрослых забываются в увлечении новыми предприятиями.

Это новое увлечение относилось к интереснейшему способу свиста, которому научил его один негр. Теперь он хотел испытать его на досуге и без помехи. Нужно было во время свиста прижимать язык к нёбу, через коротенькие промежутки времени, — выходило совсем как у птицы, длинная и звонкая трель. Читатель, вероятно, припомнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчиком. Усердие и внимание Тома скоро увенчались успехом, и он пошел по улице, с музыкой на губах и восхищением в душе. Он чувствовал себя приблизительно так, как астроном, открывший новую планету. Но без сомнения, преимущество сильного, глубокого, безмятежного наслаждения было на стороне мальчика, а не астронома.

Летние вечера долги. Было еще светло. Внезапно Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчик, немножко выше него. Новое лицо, какого бы то ни было возраста или пола, было сенсационным явлением в бедной маленькой деревушке С.-Питерсбург. Этот мальчик был хорошо одет, — слишком хорошо для будней. Просто ослепительно. Нарядная шляпа, синяя курточка, застегнутая на все пуговицы, новенькая и чистенькая, и такие же панталоны. На ногах ботинки — а ведь была еще пятница! Мало того, на шее красовался галстук с бантом. Его городской вид задел Тома за живое. Чем дольше Том смотрел на это великолепное явление, тем выше задира л нос на его щегольство и тем оскорбительнее чувствовал неприглядность собственной внешности. Оба мальчика молчали. Когда двигался один, двигался и другой, но боком, по косой линии. Они оставались лицом к лицу и не спускали друг с друга глаз. Наконец Том сказал:

— Я тебя тресну!

— Посмотрю я, как ты это сделаешь.

— Очень просто могу сделать.

— Очень просто не можешь.

— А вот могу!

— А вот не можешь.

— Нет, могу.

— Нет, не можешь.

— Могу.

— Не можешь.

Неловкое молчание. Затем Том спросил:

— Как тебя зовут?

— Это не твое дело.

— Захочу, так будет мое.

— Нет, не будет.

— Поговори еще, так увидишь.

— Говорю, говорю, говорю! Ну, что же ты?

— О, ты думаешь, что ты важный франт? Я тебя одной рукой уберу, если захочу.

— Ну, что ж ты не убираешь? Ведь ты говоришь, что можешь это сделать.

— И сделаю, если ты вздумаешь дразнить меня.

— О, да — видал я таких нищих.

— Франт! Ты думаешь, что ты важная птица.

— Ох, какая шляпа!

— Ну-ка, тронь эту шляпу, если она тебе не нравится. Попробуй сбить ее с меня; кто попробует, тому я нос расквашу!

— Лгун!

— Сам такой!

— Ты задира и лгун, и ничего не смеешь.

— Ну, — проваливай.

— А вот коли будешь еще приставать ко мне, так я и хвачу тебя камнем по голове.

— Что и говорить, хватишь.

— Ну да, хвачу.

— За чем же дело стало? Болтать болтаешь, а делать не делаешь. Потому что боишься.

— Я не боюсь.

— Нет, боишься.

— Не боюсь.

— Боишься.

Новая пауза, и еще более пристальное разглядыванье и похаживанье друг подле друга. Теперь они стояли плечом к плечу. Том сказал:

— Убирайся отсюда!

— Сам убирайся!

- Я не пойду.
- И я не пойду.

Так простояли они некоторое время, оба отставив ногу под углом для опоры, напирая один на другого изо всех сил и с ненавистью глядя друг на друга. Но никому не удалось сдвинуть другого. После молчаливой борьбы, продолжавшейся до тех пор, пока лица у обоих налились кровью, оба осторожно разошлись, и Том сказал:

— Ты трусишка и щенок. Я скажу про тебя моему старшему брату, а он может тебя мизинцем прищелкнуть; и так и сделает, если я его попрошу.

— Боюсь я очень твоего старшего брата! У меня есть брат, побольше твоего; он его через этот забор перекинет. (Оба брата существовали только в воображении.)

— Вранье.

— Не станет враньем оттого, что ты это говоришь.

Том провел по пыли черту большим пальцем ноги и сказал:

— Попробуй переступить через эту черту, я тебя отколочу так, что не встанешь. Всякий, кто переступит, получит трепку.

Новый мальчик быстро переступил черту и сказал:

— Ну, ты говорил, что отколотишь меня, посмотрим, как ты это сделаешь.

— Не лезь ко мне, лучше убирайся.

— Нет, ты сказал, что отколотишь, — попробуй же.

— Я не я, коли не отколочу за два цента.

Незнакомый мальчик вынул из кармана два медяка и насмешливо протянул их.

Том бросил их на землю.

В следующее мгновение оба мальчика катались и барахтались в пыли, сцепившись, как кошки; с минуты они трепали и таскали друг друга за волосы и за одежду, царапали и разбивали друг другу носы, покрываясь пылью и славой. Затем схватка приняла более определенный характер; в тумане сражения выделилась фигура Тома, который сидел верхом на своем противнике и тузил его кулаками.

— Живота или смерти? — спрашивал он.

Другой мальчик только барахтался, стараясь освободиться. Он плакал, главным образом, от бешенства.

— Живота или смерти? — Расправа продолжалась.

Наконец незнакомец пробормотал сквозь слезы:

«Живота!», и Том выпустил его, сказав:

— Это тебе наука. Вперед смотри, с кем связываешься.

Нарядный мальчик ушел, отряхивая пыль с одежды, всхлипывая, фыркая носом, по временам оглядываясь на Тома и обещая задать ему, если тот попадетс я ему в другой раз. На это Том отвечал насмешками и пошел своим путем, торжествуя победу; но лишь только он повернулся спиной к новому мальчику, последний схватил камень, швырнул его, попал Тому между плечами и помчался с быстротою антилопы. Том гнался за ним до самого дома и таким образом узнал, где он живет. Тут он постоял некоторое время у ворот, приглашая врага выйти, но враг только строил ему гримасы из окошка и отклонял вызов. Наконец появилась мать врага, назвала гадким, скверным, грубым мальчишкой и потребовала, чтобы он убирался. Тогда он ушел, заявив, что еще посчитается с мальчиком.

Он пришел домой довольно поздно ночью, осторожно влез в окно и попал в засаду, очутившись в руках тетки. Когда она освидетельствовала состояние его костюма, ее решение превратить для него субботу в день пленения и тягостного труда приобрело алмазную твердость.

Глава II

Искушения. — Стратегические уловки. — Простофили попались.

Наступило утро субботы, и весь летний мир был ясен, свеж и полон жизни. В каждом сердце звучала песня, а если сердце было молодо, песня рвалась с губ. У всех лица дышали счастьем, у всех походка сбивалась на танец. Акации стояли в цвету, и благоухание разливалось в воздухе.

Кардиж Гилль, холм, возвышавшийся над деревней, был одет зеленью и находился достаточно далеко, чтобы казаться Волшебной Страной, очаровательной, мирной и заманчивой.

Том появился на тротуаре с ведром извести и кистью на длинной ручке. Он посмотрел на забор, и природа омрачилась, и глубокая скорбь овладела его душой. Забор в тридцать ярдов длины и десять футов высоты! Жизнь показалась ему пустой шуткой, существование — бременем. Со вздохом обмакнул он кисть в известковый раствор и провел ею по самой верхней планке; повторил эту операцию; еще раз повторил; сравнил ничтожную белую полосу с необъятной ширию некрашеного забора и, обескураженный, уселся на

деревянную кадуюшку. Джим вприпрыжку выбежал из ворот с жестяным ведром, напевая «Девки в Буффало». Носить воду из деревенской водокачки всегда было ненавистной работой в глазах Тома, но теперь она представилась ему в новом свете. Он вспомнил, что у водокачки всегда собиралась компания. Мальчики и девочки — белые, мулаты и негры — вечно толкались там, дожидаясь очереди, отдыхая, обмениваясь разными безделушками, ссорясь, задавая друг другу потасовки, играя. Вспомнил он и то, что хотя водокачка находилась всего в полутораста ярдах, но Джим никогда не возвращался с ведром раньше, чем через час, да и то обыкновенно приходилось посылать за ним. Том сказал:

— Послушай, Джим, я сбегаю за водой, а ты покрась за меня.

Джим покачал головой и ответил:

— Нельзя, господин Том. Старая миссис сказала, чтобы я шел за водой и ни с кем бы не говорил. Она сказала, что господин Том будет просить меня покрасить за него, — так чтобы я шел и делал свое дело, а она будет смотреть, не крашу ли я.

— О, мало ли что она говорила! Она всегда это говорит. Дай-ка ведро, — я мигом слетаю. Она ничего не узнает.

— О, я не смею, господин Том. Старая миссис сказала, что она мне голову оторвет. Правда, оторвет.

— Она! Она никогда никого не бьет, — разве стукнет по голове наперстком, так ведь это никому не страшно. Она только грозит, да ведь от слов не больно, — если только она сама не плачет. Джим, я подарю тебе шарик. Я подарю тебе белый шарик.

Джим начал колебаться.

— Белый шарик, Джим, ведь это чего-нибудь да стоит!

— Еще бы, чудесная штука, я знаю. Но, господин Том, я страх боюсь старой миссис.

Но Джим был человек, и искушение оказалось сильнее его. Он поставил ведро, взял белый шарик. В следующее мгновение он летел по улице с ведром в руках и зудом в затылке, Том усердно мазал забор, а тетка Полли удалялась с места действия с туплей в руке и торжеством во взоре.

Но энергия Тома быстро иссякла. Он стал думать о забавах, которых ожидал от этого дня, и горечь его удвоилась. Другие мальчики скоро пустятся во всевозможные восхитительные экспедиции, будут издеваться над ним по поводу его работы, — эта мысль жгла его огнем. Он вытащил из карманов свои мирские сокровища и осмотрел их: игральные шарики, осколки, разные безделки; хватит, пожалуй, чтобы обменяться работой, но и думать нечего купить хоть полчаса настоящей свободы. Он снова спрятал в карман свое скудное имущество и отказался от мысли подкупить мальчиков. В эту мрачную и безнадежную минуту его осенило вдохновение. Да, великое, дивное вдохновение, ни более, ни менее. Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вдали показался Бен Роджерс; в деревне не было мальчика, чьи насмешки были бы для него страшнее. Походка у Бена была приплясывающая, подпрыгивающая; это свидетельствовало, что на сердце у него легко и перспективы его лучезарны. Он ел яблоко, а в промежутках издавал протяжный, мелодичный вой, за которым следовало низкое «дин-дон-дон, дин-дон-дон», так как он изображал собой пароход. Подойдя ближе, он замедлил ход, направился на середину улицы, сильно подался вправо, затем грузно повернул, и все это с подобающей важностью и солидностью, так как олицетворял «Большой Миссури» и считал, что сидит на десять футов в воде. В лице его совмещались пароход, капитан и звонок машиниста, так что он воображал себя стоящим в собственной рубке, отдающим приказания и исполняющим их.

— Стоп, сэр! Линг-а-линг-линг. — Пароход приостановился и медленно повернул к тротуару. — Задний ход. Линг-а-линг-линг! — Его руки выпрямились и вытянулись вдоль боков. — Правым бортом назад! Линг-а-линг-линг! Шу-гя... шу... у... шу! — тем временем его правая рука описывала большие круги, так как изображала сорокафутовое колесо. — Левым бортом назад! Линг-а-линг-линг! Шу... ш... шу... шу! — Левая рука стала описывать круги.

— Стоп правый борт! Линг-а-линг-линг! Стоп левый борт! Вперед правым бортом! Стоп! Поворачивай тихонько нос! Линг-а-линг-линг! Шу-у-у! Вытягивай передний канат! Живо, шевелись! Ну, что у вас там со шпрингом? Закидывай канат за сваю! Теперь причаливай! Остановите машину, сэр! Линг-а-линг-линг! — Шт! шт! шт! (Делая промер.)

Том белил себе забор, а на пароход ноль внимания. Бен посмотрел на него с минуту, потом сказал:

— Ты-ы!.. Это ты свая, а?

Никакого ответа. Том рассматривал свой последний мазок оком художника, затем слегка провел кистью и снова полюбовался результатом. Бен причалил к нему борт о борт. У Тома слюнки потекли при виде яблока, однако он не отрывался от работы. Бен сказал:

— Эй, старина! Работать заставили?

— А, это ты, Бен! А я и не заметил.

— Я иду купаться. Небось, и тебе бы хотелось, но приходится сначала кончить работу? Так ведь?

Том взглянул на мальчика и сказал:

— Какую работу?

— Да разве это не работа?

Том продолжал белить и ответил небрежно:

— Может быть, да, а может быть и нет. Знаю только, что Тому Сойеру она по нутру.

— О, выдумывай! Ты, пожалуй, будешь уверять, что она тебе нравится?

Кисть продолжала действовать.

— Нравится? А почему бы она мне не нравилась? Не каждый день мальчикам случается белить забор!

Дело представлялось в новом свете. Бен перестал грызть яблоко. Том элегантно водил кистью взад и вперед, отступал немного, чтобы полюбоваться эффектом, прибавлял мазок или два, — снова любовался, а Бен следил за каждым движением все с большим интересом, все с большим увлечением. Вдруг он сказал:

— Послушай, Том, дай мне покрасить немножко.

Том подумал; хотел было согласиться, но передумал:

— Нет, нет, Бен, никак нельзя. Видишь ли, тетка Полли очень дорожит этим забором, — ведь он выходит на улицу, — будь это на задах, тогда другое дело; ни она бы, ни я не беспокоились. А насчет этого забора она очень беспокоится; его нужно выбелить хорошенько, как следует; я так думаю, разве что один мальчик из тысячи, может быть, из двух тысяч, сумеет сделать как надо.

— Ну, разве? О, послушай, дай мне только попробовать, так, чуть-чуть. Я бы дал тебе, будь я на твоём месте, Том.

— Бен, я бы тоже дал, как честный индеец, но тетка Полли... Видишь ли, Джим хотел красить, она не позволила. Сид хотел красить, — не позволила и Сиду. Сам видишь, как я стараюсь. Ну, пусти я тебя, а ты сделаешь что-нибудь не так, и...

— О, пустяки, я постараюсь. Дай только попробовать. Слушай, я тебе дам сердцевину моего яблока.

— Ну хорошо. Да нет, Бен, нельзя, я боюсь...

— Я тебе отдам все яблоко!

Том передал кисть с неохотой на лице, с весельем в сердце. И пока бывший пароход «Большой Миссури» трудился и потел на солнце, удалившийся артист сидел в тени на кадушке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал планы улавливания других простаков. Недостатка в материале не было; мальчики подходили один за другим: они начинали с насмешки, а кончали тем, что принимались белить. Когда Бен наработался и ушел, Том уступил очередь Билли Фишеру за бумажного змея, вполне исправного; а когда наслаждался Билли, его сменил Джони Миллер за дохлую крысу и веревочку, на которой ее можно было раскачивать; и так далее, час за часом. Так что к середине дня Том, еще утром неимущий бедняк, буквально утопал в богатстве. У него оказались, кроме тех вещей, которые я назвал, двенадцать шариков, часть органчика, кусок синего бутылочного стекла, в которое можно было смотреть, катушка, ключ, которым нельзя было ничего открыть, кусок мыла, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, медная ручка от двери, ошейник для собаки, но без собаки, рукоятка перочинного ножа, четыре апельсиновые корки и старый изломанный оконный переплет. Все время он благоденствовал, сложа руки, в компании, а забор между тем покрылся тройным слоем белил! Если бы известка не вышла, он разорил бы всех мальчиков в деревне.

Том сказал себе самому, что этот мир в конце концов не так уж печален. Он, сам того не зная, открыл великий закон человеческой деятельности, а именно: чтобы заставить взрослого или мальчика желать что-нибудь, нужно сделать это труднодостижимым. Если бы он был великим и мудрым философом, подобно автору этой книги, он понял бы, что работа заключается в том, что человек обязан делать, а развлечение в том, чего он не обязан делать. А это помогло бы ему понять, почему изготовление искусственных цветов или хождение по топчаку, приводящему в действие машину, есть работа, а катание кегельных шаров или восхождение на Монблан — только забава. В Англии есть богатые джентльмены, готовые править четверней дилижанса на расстоянии двадцати-тридцати миль летом, потому что за это нужно заплатить изрядные деньги, но если бы им предложили плату за эту службу, она превратилась бы в работу и они отказались бы от нее.

Глава III

Том — командир. — Торжество и награда. — Плачевное счастье. — Поручение и промах.

Том предстал перед теткой Полли, сидевшей у открытого окна в уютной задней комнате, которая служила спальней, столовой и кабинетом. Бальзамический летний воздух, безмятежная тишина, аромат цветов, усыпляющее гудение пчел оказали свое действие, она клевала носом над вязаньем, так как с ней никого не было, кроме кота, заснувшего у нее на коленях. Очки были вздернуты на ее седую голову ради безопасности. Она думала, что Том, конечно, давно уже дал тягу, и удивилась, что он так мужественно

отдается в ее руки. Том спросил:

— Мне можно теперь идти играть, тетя?

— Как, уже? Сколько же ты сделал?

— Все сделано, тетя.

— Том, не лги. Терпеть не могу.

— Я не лгу, тетя, все сделано.

Тетка Полли не слишком полагалась на эти уверения. Она отправилась посмотреть сама и была бы довольна, если бы утверждение Тома оказалось на двадцать процентов истинным. Когда же она убедилась, что весь забор выбелен, и не просто выбелен, а тщательно покрыт тройным слоем раствора, причем даже по земле проведена полоса в виде бордюра, удивлению ее не было границ.

— Вот бы никогда не подумала! — сказала она. — Ну, нечего сказать, ты можешь работать, когда захочешь, Том.

Тут она ослабила комплимент, прибавив:

— Только ты очень уж редко хочешь работать, должна я сказать. Хорошо, ступай играть, но смотри, возвращайся вовремя, не то я тебе задам.

Она была так восхищена блеском его подвига, что повела его в чулан, выбрала лучшее яблоко и вручила ему вместе с назидательным рассуждением о добавочной ценности и сладости угощения, заслуженного честно, добродетельным усердием. И заключила она это наставление очень удачной цитатой из Священного Писания, а он тем временем стибрил пряник.

Затем он выскочил во двор и увидел Сиду, который поднимался по наружной лестнице на второй этаж. Комки земли были под ногами и моментально замелькали в воздухе. Они градом посыпались вокруг Сиды; и прежде чем тетка Полли успела опомниться и броситься на выручку, шесть или семь комков попали по назначению, а Том перемахнул через забор и был таков. Во дворе имелась калитка, но он, по обыкновению, слишком торопился, чтобы воспользоваться ею. Теперь душа его была спокойна, так как он рассчитался с Сидом за то, что тот подвел его с черной ниткой. Том обошел опасное место и направился по грязному переулку позади коровника тетки Полли. Он теперь ускользнул от плена и наказания и пробирався на площадь, где две военные партии мальчиков должны были сойтись для боя, согласно уговору. Том был генералом одной из этих армий, Джо Гарпер (его закадычный друг) — другой. Оба великих полководца не снисходили до личного участия в бою — это приличествовало лишь мелкой сошке, — а сидели на возвышении и управляли военными действиями через адъютантов. Армия Тома одержала блистательную победу после продолжительного и упорного боя. Затем сосчитали убитых, обменялись пленными, договорились насчет следующего сражения и назначили для него день, после чего армия выстроилась в линию и отправилась восвояси, а Том вернулся домой один.

Проходя мимо дома, где жил Джефер Татчер, он увидел в саду новую девочку — прелестное маленькое голубоглазое создание с русыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платье и кружевных панталончиках. Только что увитый лаврами герой пал без выстрела. Некая Эми Лауренс испарилась из его сердца, как будто и не бывала в нем. Он думал, что влюблен в нее до безумия; он считал свою страсть обожанием, и вот она оказалась только жалким, мимолетным увлечением. Он целые месяцы ухаживал за ней, она сдалась всего неделю тому назад; он был самым гордым и счастливым мальчиком в мире семь коротких дней, и вот, в одно мгновение, она ушла из его сердца, точно случайный гость, заглянувший на минутку.

Он украдкой молился этому новому ангелу, пока не убедился, что она заметила его, а затем принялся выставляться, проделывая всевозможные нелепые мальчишеские шутки с целью возбудить ее изумление. Некоторое время он предавался этому дурачеству, но случайно взглянув на нее в момент одного опасного гимнастического выверта, увидел, что девочка отвернулась и уходит в дом. Том подбежал к забору и прислонился к нему в глубокой горести и в надежде, что она побудет еще немножко. Она на минутку приостановилась на крыльце, а потом двинулась к двери. Том испустил глубокий вздох, когда она ступила на порог, но лицо его тотчас просияло: перед тем как исчезнуть, она бросила через забор фиалку. Мальчик подбежал и остановился на расстоянии одного или двух футов от цветка, затем поднес к глазам руку на манер козырька и стал всматриваться в конец улицы, как будто заметил что-то интересное в этом направлении. Потом подобрал соломинку и принялся устанавливать ее на кончик своего носа, закинув голову назад. Двигаясь из стороны в сторону при этих усилиях, он постепенно приближался к фиалке; наконец его босая нога накрыла цветок, ее гибкие пальцы охватили его, и он ускакал на одной ноге со своим сокровищем и скрылся за углом. Но только на минуту, только для того, чтобы вдеть цветок в петлицу своей курточки, подле своего сердца, а может быть и желудка, так как он не был силен в анатомии и не слишком заботился о точности.

После этого он вернулся и оставался у забора, пока не стемнело, продолжая выставляться. Но девочка

не показывалась больше, хотя Том утешал себя мыслью, что она стоит где-нибудь у окна и видит его выкрутасы. Наконец он неохотно поплелся домой, а бедная голова его была полна грез.

За ужином он проявил такое возбуждение, что тетка дивилась, что такое с этим ребенком. Он получил хорошую головомойку за расправу с Сидом, но и ухом не повел. Он попытался стянуть сахар под самым носом у тетки и получил за это по пальцам.

— Тетя, вы небось не шлепаете Сида, когда он это делает.

— Сид не изводит человека так, как ты. Ты бы весь сахар перетаскал, не присматривай я за тобой.

Затем она ушла на кухню, а Сид, пользуясь безопасной минутой, потянулся к сахарнице, поглядывая на Тома с насмешливо торжествующим видом, что было просто невыносимо. Но рука его соскользнула, сахарница полетела на пол и разбилась. Том был в восторге, — в таком восторге, что даже прикусил язык и остался безмолвным. Он решил, что не скажет ни словечка, даже когда придет тетка, а будет сидеть смирихонько, пока она не спросит, кто это напроказил. Тогда он заговорит, и то-то будет весело смотреть, как влетит любимчику, примерному мальчику. Он был так переполнен ликованием, что едва мог сдерживаться, когда старушка вернулась и, остановившись над осколками, метала молниеносные взоры поверх очков. Он сказал самому себе: теперь начнется потеха! И в следующее мгновение растянулся на полу от здорового шлепка! Мощная длань поднялась для нового удара, но Том завопил:

— Да за что же вы меня колотите? Это Сид разбил!

Тетка Полли в смущении остановилась, а Том ожидал раскаяния и сожаления. Но когда к ней вернулся дар слова, она сказала:

— Ну! Все равно, ты заслуживал шлепка. Ты наверное устроил какую-нибудь другую проказу, пока я не смотрела за тобой.

Тут совесть стала упрекать ее, и ей захотелось сказать что-нибудь ласковое и нежное, но ведь это было бы понято как признание в своей неправоте, чего не допускала дисциплина. Поэтому она промолчала и занялась своими делами, с тяжестью в душе.

Том надулся в углу, преувеличивая свои обиды. Он знал, что тетка в сердце своем стояла на коленях перед ним, и находил мрачное удовлетворение в этом сознании. Он ничего не проявлял со своей стороны и ни на что не обращал внимания. Он знал, что нежный взгляд падает на него время от времени сквозь пелену слез, но не хотел замечать его. Он видел себя в постели больным при смерти, и тетка наклоняется над ним, с мольбою о прощении, но он поворачивается лицом к стене, не произнося ни слова. Что-то она тогда почувствует! И он представлял себе, как его приносят домой из реки, мертвого, волосы его совсем мокрые, бедные рученьки навсегда перестали проказить, наболевшее сердце успокоилось навеки. И вот она бросается на его тело, слезы ее льются рекою, уста молят Бога вернуть ей ее мальчика, которого она больше никогда, никогда не будет обижать! Но он лежит перед нею холодный и бледный, не подавая признаков жизни, — бедный маленький страдалец, испивший до дна чашу скорби! Он так расчувствовался, представляя себе эти грустные картины, что едва удерживался от рыданий: глаза его были полны влагой, и когда он мигал, она катилась вниз и капала с кончика его носа. И так ему сладко было лелеять свои горести, что он не хотел тревожить этого настроения никаким легкомысленным удовольствием или грубым весельем: оно было слишком священно для них; так что, когда кузина Мэри влетела в комнату, в восторге, что наконец вернулась домой после бесконечного, длившегося целую неделю пребывания в гостях, он вскочил и убежал в безмолвие и мрак от звуков и света, которые она внесла с собою. Он бродил в стороне от мест, где обыкновенно собирались мальчики, ища уединения, гармонизовавшего с его душевным состоянием. Плот на реке манил его, он уселся на самом краю и смотрел на угрюмую пустыню вод, думая, что хорошо бы было утонуть мгновенно и незаметно для себя самого, не подвергаясь неприятной рутине, предписываемой природой. Потом он вспомнил о цветке. Он достал его, смятый и увядший, и его мрачное блаженство удвоилось. Он спрашивал себя, пожалела ли бы она его, если бы узнала? Залилась бы она слезами, пожелала бы иметь право обвить руками его шею и утешить его? Или бы отвернулась от него, как весь пустой свет? Эта картина вызвала такой приступ приятнейшего страдания, что он возился с ним без конца, варьировав на все лады и представляя себе его все в новом и новом свете, пока не истрепал окончательно! Наконец он встал со вздохом и пошел в темноте. Было около половины десятого или десяти, когда он шел по пустынной улице, где обитала обожаемая незнакомка. Он постоял с минуту у ее дома, прислушался, но его чуткое ухо не уловило никаких звуков; только слабый свет пробивался из-за штор одного окна во втором этаже. Не здесь ли ее священная обитель? Он перелетел через забор, тихонько пробрался среди растений и остановился под окном; долго, с волнением, смотрел на него; потом лег под ним навзничь, скрестив на груди руки с увядшим цветком. Так он умрет вдали от холодного света, без крова над бесприютной головой, и ничья дружеская рука не отрет смертного пота с его лба, ничье любящее лицо не склонится над ним с участием в минуту последней агонии. И тут она увидит его, когда выглянет из окна в веселое утро, — о, уронит ли она слезу на бедное бездыханное тело, вздохнет ли она, вспомнив о цветущей юной жизни, так безжалостно загубленной, так безвременно подкошенной?

Окно отворилось; визгливый голос служанки возмутил священную тишину, и поток воды окатил останки нашего страдальца!

Захлебнувшийся герой вскочил, отфыркивая воду; затем в воздухе что-то просвистало, под аккомпанемент чуть слышного ругательства; последовал звон разбитого стекла; маленькая фигурка перемахнула через забор и исчезла в темноте.

Немного спустя, когда Том, раздетый, чтобы лечь в постель, рассматривал свою мокрую одежду при свете сального огарка, проснулся Сид; но если у него мелькнули некоторые смутные догадки о кое-каких намеках, то он благоразумно удержался, так как взгляд Тома не сулил ничего доброго. Том улегся, не утраждая себя молитвой, а Сид отметил в уме своем это упущение.

Глава IV

Акробатические упражнения ума. — Воскресная школа. — Директор. — На выставке. — Отличие Тома.

Солнце вставало над спокойным миром, озаряя деревню своими лучами, как бы посылая ей благословение. После завтрака тетка Полли приступила к семейному богослужению. Оно началось молитвой, составленной из библейских цитат, игравших роль солидных камней, скрепленных легким цементом оригинальных размышлений. С вершины этого сооружения она прочла грозную главу из книг Моисеевых, точно с Синайской горы.

После этого Том препоясал, так сказать, чресла свои и принялся за зубрежку своих стихов из Библии. Сид давно уже выучил свой урок. Том напряг всю свою память, чтобы запомнить пять стихов. Он выбрал Нагорную проповедь, так как не мог найти стихов короче.

Спустя полчаса Том имел смутное представление о своем уроке, но не более того, так как дух его блуждал по всему полю человеческого мышления, а руки занимались посторонними развлечениями. Мэри взяла книгу, чтобы выслушать урок, и он попытался найти путь в тумане.

— Блаженны-э-э...

— Нищие...

— Да, нищие... блаженны нищие-э-э...

— Духом...

— Духом, блаженны нищие духом, ибо... они... они...

— Их...

— Ибо их. Блаженны нищие духом, ибо их... есть царствие небесное. Блаженны плачущие, ибо они... они...

— У...

— Ибо они-э...

— Ут...

— Ибо они ут... О, я не знаю, что это за слово.

— Утешатся.

— О, утешатся! Блаженны... блаженны-э-э... утешатся... э-э... блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны... блаженны-э... блаженны кто еще? Что же ты мне не подсказываешь, Мэри? Что ты меня дразнишь?

— Ох, Том, тупоголовый ты мальчик, вовсе я тебя не дразню. Совсем нет. Тебе нужно приниматься опять за урок и выучить его. Не огорчайся, Том, ты справишься с ним, а когда выучишь, я подарю тебе что-то хорошенькое! Ну, будь же паинькой.

— Хорошо. А что это такое, Мэри? Скажи мне, что это такое?

— Потом узнаешь, Том. Уж если я сказала, что хорошенькое, так значит хорошенькое.

— Смотри же, ты обещала, Мэри. Хорошо, я опять засяду.

Он засел опять и, прищипываемый вдвойне — любопытством и желанием получить подарок, — принялся за урок с такой энергией, что одолел его блестяще.

Мэри подарила ему новехонький барлоуский нож, ценою в двенадцать с половиной центов, — и трепет восторга пронизывал все его существо.

Правда, этим ножом нельзя было резать, но он был подлинный барлоуский, а это придавало ему несказанное достоинство — хотя откуда взяли мальчики, что клеймо могло быть подложным, — это глубокая тайна и, может быть, всегда останется таковой. Том принялся скоблить буфет и собирался приняться за письменный стол, когда его позвали одеваться в воскресную школу.

Мэри дала ему жестяной таз с водой и кусок мыла, и он вышел за дверь и поставил таз на скамейку;

затем опустил мыло в воду, засучил рукава, тихонько вылил воду на землю и, вернувшись в кухню, принялся усердно вытирать лицо полотенцем, висевшим за дверь. Но Мэри взяла у него полотенце и сказала:

— И не стыдно тебе, Том? Какой ты дурной мальчик. Точно вода тебе больно делает.

Том немножко сконфузился. Таз был снова наполнен, и на этот раз он немного постоял над ним, набираясь решимости, перевел дух и начал. Когда он вошел в кухню, зажмурив глаза и шаря руками в поисках полотенца, мыльная вода, струившаяся по его лицу, свидетельствовала о его добросовестных усилиях. Но когда он отнял полотенце от лица, состояние последнего все еще оставалось неудовлетворительным, так как чистая территория, заканчивавшаяся у подбородка и скул, выглядела наподобие маски. Ниже этой линии и за нею простиралась темная полоса нетронутой почвы, охватывавшая шею. Мэри принялась за него сама и когда управилась с ним, это был другой человек и брат, с одноцветной кожей, с причесанными волосами, с красиво и симметрично лежавшими кудряшками (он тайком выпрямлял их с большим трудом и старанием и, как мог, приглаживал волосы, так как считал кудри признаком изнеженности, а его собственные отравляли его существование). Затем Мэри достала ему пару платья, надевавшуюся только по воскресеньям в течение двух лет — она называлась попросту его другой парой, что дает нам понятие об объеме его гардероба. Девочка привела его в порядок, когда он переоделся: застегнула доверху его парадную курточку, отогнула широкий воротничок его рубашки, почистила его щеткой и увенчала пестрой соломенной шляпой. Он выглядел теперь гораздо приличнее и несчастнее; да и чувствовал себя таким же несчастным, каким выглядел, так как его стесняло и раздражало цельное платье и чистота. Он надеялся, что Мэри забудет о башмаках, но надежда была обманута. Она тщательно смазала их салом, как это было в обычае, и принесла ему. Тут его терпение лопнуло, и он заявил, что его всегда заставляют делать что-нибудь такое, чего он не хочет делать. Но Мэри сказала убедительно:

— Пожалуйста, Том, будь умницей.

Тогда он ворча надел башмаки. Мэри мигом собралась, и трое детей отправились в воскресную школу, место, которое Том ненавидел всеми силами души, тогда как Сиду и Мэри оно очень нравилось.

Занятия в воскресной школе продолжались с девяти до половины одиннадцатого. Затем следовала церковная служба. Двое из детей всегда оставались слушать проповедь добровольно, а третий тоже всегда оставался, но по более сильным мотивам. Жесткие, с высокими спинками церковные скамьи могли вместить около трехсот человек; здание церкви было маленькое и простое, с каким-то ящиком на верхушке вместо колокольни. У дверей Том остановился и заговорил с товарищем, одетым по-праздничному.

— Послушай, Билль, у тебя есть желтый билетик?

— Да.

— Что возьмешь за него?

— А что ты дашь?

— Кусок лакрицы и крючок для удочки.

— Покажи.

Том показал. Вещи понравились, и обмен состоялся. Затем Том отдал пару белых шариков за три красных билетика и какую-то безделушку за пару голубых. Он приставал к другим мальчикам, по мере того как они подходили, и в течение десяти или пятнадцати минут покупал разноцветные билетики. Затем вошел в церковь с толпой чистеньких и шумных мальчиков и девочек, уселся на свое место и завязал ссору с первым попавшимся мальчиком. Учитель, важный пожилой человек, разнял их; когда он отвернулся, Том дернул за волосы мальчика, сидевшего на передней скамье, и уткнулся в книгу, когда мальчик повернулся; уколол булавкой другого мальчика, чтобы заставить его вскрикнуть «ой!» и снова получил выговор от учителя. Весь класс Тома был ему под стать: неугомный, шумный и буйный. Когда приходилось отвечать урок, никто не знал его как следует, зато подсказывали все кто бы то ни был; они плелись кое-как, и каждый получал свою награду в виде маленьких голубых билетиков с напечатанными на них стихами Библии; один голубой билетик выдавался за два стиха, прочтенные наизусть. Десять голубых билетиков равнялись одному красному и могли быть обменены на него; десять красных билетиков равнялись одному желтому, а за десять желтых директор давал ученику Библию в простеньком переплете (стоившую сорок центов в те блаженные времена). У многих ли учеников хватило бы терпения и усердия заучить на память две тысячи стихов даже за Библию Дорэ? А Мэри приобрела таким способом две Библии, ценою усердного двухлетнего труда. Один мальчик, немецкого происхождения, приобрел их четыре или пять. Он прочел однажды залпом три тысячи стихов, но это потребовало чересчур сильного напряжения его умственных способностей, и с этого самого дня он превратился почти в идиота — великое несчастье для школы, так как в торжественных случаях, перед посетителями директор всегда вызывал этого мальчика и заставлял его, — по выражению Тома, — распинаться. Только старшие ученики берегли свои билеты и продолжали утомительную работу достаточно долго, чтобы заслужить Библию. Оттого выдача этой премии была редким и достопримечательным событием. Ученик, получивший ее, становился на тот день столь великим и славным, что сердце каждого школьника загоралось честолюбием, которого часто хватало на две недели. Возможно, что духовный

желудок Тома никогда в действительности не жаждал этой премии, но не подлежит сомнению, что все его существо давно уже томилось желанием славы и блеска, связанных с нею.

В надлежащее время директор взошел на кафедру с закрытым молитвенником в руке и с засунутым между его листами указательным пальцем и потребовал внимания. Когда директор воскресной школы произносит свою традиционную маленькую речь, молитвенник в его руке так же необходим, как неизбежный листок в руке певицы, которая выступает вперед на эстраде и поет соло в концерте — хотя какая в них надобность, остается тайной: никогда ни молитвенник, ни листок нот не пускаются в ход. Директор был невзрачный человек тридцати пяти лет, с песочного цвета бородкой и короткими песочного цвета волосами. Он носил тугий стоячий воротник, верхний край которого почти достигал его ушей, а острые концы загибались к углам его рта; в этой ограде он должен был держать голову прямо, глядя только вперед, и для того, чтобы взглянуть вбок, ему приходилось поворачивать все тело. Подбородок его упирался в широкий галстук с бахромой на концах; носки сапог были сильно загнуты вверх, точно лыжи, по господствовавшей моде, — этого эффекта молодые люди достигали терпением и настойчивостью, прижав носки к стене и просиживая в такой позе часами. Мистер Уольтерс был с виду очень строг, а душой честен и прям. Он так почитал священные вещи и места и так отделял их от всего мирского, что бессознательно для него самого его воскресно-школьный голос приобрел специальную интонацию, которой вовсе не обладал в будние дни. Он начал так:

— Теперь, дети, я попрошу вас сидеть так спокойно и тихо, как вы только можете, и подарить мне минуту или две внимания. Вот именно так. Так и должны сидеть хорошие мальчики и девочки. Я замечаю, что одна маленькая девочка смотрит в окно, — боюсь, что она думает, что я не здесь, а где-нибудь там — может быть, на одном из тех деревьев говорю с птичками (одобрительный смешок). Я должен сказать вам, что мне очень приятно видеть столько светлых, чистеньких детских лиц, собравшихся в таком месте, как это, дабы учиться поступать справедливо и быть добрыми.

И так далее, и так далее. Нет надобности приводить остальную часть речи. Она была того стиля, который не меняется и хорошо знаком всем нам.

Последняя треть речи была омрачена возобновлением драк и других развлечений между несколькими дурными мальчиками, и шорохом и шепотом, волны которых распространились по всей аудитории, заливая даже подошву таких одиноких и непоколебимых утесов, как Мэри и Сид. Но все звуки разом прекратились, когда голос мистера Уольтерса смолк, и окончание речи было встречено взрывом безмолвной благодарности.

Шепот в значительной степени был вызван событием, какое случалось не часто: появлением посетителей — стряпчего Татчера, в сопровождении какого-то расслабленного старика, красивого осанистого джентльмена средних лет с седеющими, цвета стали, волосами, и представительной леди, без сомнения, супруги последнего. Леди вела за руку девочку. До сих пор Том чувствовал себя очень неловко, вертелся, как на углях, его мучила совесть — он не мог глядеть в глаза Эми Лауренс, не мог вынести ее любящего взора. Но когда он увидел маленькую посетительницу, душа его моментально воспламенилась восторгом. В следующее мгновение он начал выставляться изо всей мочи: тузил мальчиков, дергал за волосы, строил гримасы, словом, проделывал все, что, по его соображениям, могло очаровать девочку и заслужить ее одобрение. К его ликованию примешивалась только одна капля горечи: воспоминание об унижении, испытанном в саду этого ангела; но даже и это бесславное пятно было почти смыто волнами переполнявшего его блаженства. Посетителей усадили на почетные места, и как только речь мистера Уольтерса была кончена, он представил им школу. Человек средних лет оказался высокопоставленной особой, ни более ни менее, как областным судьей — самым величественным существом, какое детям случалось до сих пор видеть; так что они недоумевали, из какого материала он создан, и почти хотели, чтобы он зарычал, и боялись, что он это сделает. Он был из Константинополя — в двадцати милях от деревни, — стало быть, путешествовал и видел свет. Его глаза смотрели на здание Областного Суда, которое, говорят, было крыто железом. Благоговение, внушаемое всеми этими соображениями, сказывалось в красноречивом молчании и устремленных на посетителя глазах. Это был великий судья Татчер, брат их стряпчего! Стряпчий Татчер немедленно подошел поздороваться с великим человеком и возбудил зависть всей школы. Какой бы музыкой отозвался в его душе шепот товарищей:

— Смотри, Джим! Он идет туда. Гляди же, протягивает ему руку, пожимает ему руку. А хотел бы ты быть стряпчим?

Мистер Уольтерс выставлялся, проявляя всякого рода официальную деятельность и распорядительность, отдавая приказания, расточая наставления, делая замечания о том о сем и обо всем, что приходило в голову. Библиотекарь выставлялся, бегая туда и сюда с охалками книг и поднимая суматоху и возню, которыми утешается мелкотравчатое начальство. Молодые леди-учительницы выставлялись, ласково склоняясь над питомцами, только что получавшими затрещины, грозя пальчиком шалунам и глядя по головке послушных. Молодые джентльмены-учителя выставлялись легкими выговорами и другими проявлениями авторитета и тщательным соблюдением дисциплины. Большинству учителей и учительниц нужно было

зачем-то лазить в книжный шкаф, стоявший подле кафедры, и притом по два, по три раза (что они проделывали с напускной досадой). Маленькие девочки выставлялись разными способами, а маленькие мальчики выставлялись с таким усердием, что воздух был полон бумажными шариками и гулом потасовки. И над всем этим восседал великий человек, и озарял дом этот милостивой судейской улыбкой, и грелся в лучах собственного величия, так как и он ведь тоже выставлялся. Одного только не хватало для полноты восторга мистера Уольтерса — случая вручить Библию в качестве премии и похвастать чудо-мальчиком. У некоторых детей было по несколько желтых билетов, но ни у кого не оказалось их в достаточном количестве, даже среди лучших учеников. Он отдал бы все, чтобы вернуть немецкому мальчику утраченные умственные способности.

И вот в эту минуту, когда всякая надежда была потеряна, Том Сойер выступил вперед с девятью желтыми, девятью красными и десятью голубыми билетиками и потребовал Библию! Это был удар грома при ясном небе. Уольтерс ни за что бы не подумал, что подобные притязания могут возникнуть из такого источника в ближайшие десять лет. Но разбираться не приходилось: удостоверения были налицо и говорили сами за себя. Итак, Том поднялся на возвышение, где восседали судья с другими избранными, и великая новость распространилась из главного штаба. Это было самое ошеломляющее событие последних десяти дней, и впечатление было так глубоко, что подняло нового героя почти на высоту судьи, так, что школа теперь глазела на два чуда вместо одного. Мальчиков грызла зависть, но самые горькие муки выпали на долю тех, которые слишком поздно сообразили, что сами же содействовали ненавистному торжеству, продавая Тому билетки за сокровища, накопленные им путем продажи права белить забор. Они издевались над самими собой, как жертвы коварного обмана, уязвленной змеи подколодной.

Премия была выдана Тому со всей приветливостью, какую директор способен был проявить при данных обстоятельствах, но в его обращении не хватило сердечности: добряк чувствовал здесь какую-то тайну, которая, быть может, не выдержала бы света. Просто невысказанно было предположить, чтобы этот мальчик мог собрать две тысячи снопов библейской мудрости в свою житницу; в ней поместилось бы не больше дюжины. Эми Лауренс гордилась и радовалась и пыталась привлечь к себе взгляд Тома. Но он не смотрел на нее. Она удивилась, потом немного смутилась, потом у нее возникло смутное подозрение — исчезло — явилось опять, она стала следить. Мимолетный взгляд открыл ей все — и сердце ее разбилось, тоска и ревность овладели ею, полились слезы, и она ненавидела всех, а Тома больше всех, как она думала.

Том был представлен судье, но язык его прилип к гортани, дух захватывало, сердце билось — частично от сознания грозного величия этого человека, но главным образом потому, что это был ее отец. Он готов бы был пасть перед ним ниц и поклониться ему, если бы было темно. Судья положил руку на голову Тома, назвал его славным маленьким человеком и спросил, как его зовут. Мальчик поперхнулся, заикнулся и выговорил:

— Том.

— О, нет, не Том, а...

— Томас.

— Ага, вот это так. Я и думал, что оно длиннее. Очень хорошо. Но ведь у тебя есть и другое имя, и ты его скажешь мне, да?

— Скажи джентльмену твое другое имя, Томас, — заметил Уольтерс, — и говори «сэр». Надо помнить приличия.

— Томас Сойер, сэр.

— Так, хороший мальчик. Славный мальчик. Славный мальчуган, молодчина. Две тысячи стихов, это много — очень, очень много. И ты никогда не пожалеешь, что потратил на них труд, потому что знание дороже всего на свете; оно делает людей великими и добрыми; и ты будешь великим и добрым человеком, Томас, и тогда оглянешься на прошлое и скажешь: всем этим я обязан драгоценным урокам воскресной школы; всем этим я обязан моим дорогим учителям, которые позаботились научить меня; всем этим я обязан доброму директору, который поощрял меня, и следил за моими успехами, и подарил мне прекрасную Библию, великолепную, изящную Библию, в мою полную собственность, всем этим я обязан тому, что хорошо учился! Вот что ты скажешь, Томас, и не возьмешь никаких денег за эти две тысячи стихов, — верно, не возьмешь. А теперь ты, конечно, не откажешься рассказать мне и этой леди что-нибудь из того, что выучил, — ну, разумеется, не откажешься — потому что мы гордимся мальчиками, которые хорошо учатся. Ты, конечно, знаешь имена двенадцати апостолов. Назови же мне имена двух первых, которые были призваны.

Том вертел пуговицу и смотрел бессмысленно. Он покраснел и опустил глаза. У мистера Уольтерса сердце замерло. Он сказал самому себе: ведь этот мальчик не может ответить на самый простой вопрос — зачем же судья спрашивает его? Тем не менее он счел своим долгом сказать:

— Отвечай джентльмену, Томас, не бойся.

Том ни гу-гу.

— Я знаю, что ты ответишь мне, — сказала леди. — Имена двух первых апостолов...

— ДАВИД и ГОЛИАФ!

Опустим завесу милосердия над окончанием этой сцены.

Глава V

Добрый пастырь. — В церкви. — Пудель и жук.

Около половины одиннадцатого надтреснутый колокол маленькой церкви начал звонить, и прихожане стали собираться на утреннюю проповедь. Ученики воскресной школы разместились по церкви, вместе с родителями, под их надзором. Пришла тетка Полли, а с нею Том, Сид и Мэри. Тома усадили у прохода, подальше от открытого окна и соблазнительных летних сцен. Толпа наполнила церковь; престарелый и бедный почтмейстер, выдавший когда-то лучшие дни; мэр с супругой — так как у них имелся и мэр в числе прочих ненужных вещей; мировой судья; вдова Дуглас, красивая, нарядная и сорокалетняя, щедрая, добрейшей души и состоятельная; ее дом на холме был единственным палаццо в местечке, притом самым гостеприимным и тороватым в отношении празднеств, каким только мог похвалиться С.-Питерсбург; согбенный и почтенный майор и мистрис Уорд; стряпчий Риверсон, важная залетная птица; затем местная красавица в толпе одетых в батист и ленты юных разбивательниц сердец; за ними все молодые клерки местечка гуртом, — они стояли в притворе, посасывая набалдашники своих тросточек и образуя рой напомаженных и ухмыляющихся обожателей, пока последняя девушка не прошла сквозь их строй; шествие замыкал примерный мальчик, Вилли Мафферсон со своей матушкой, за которой он ухаживал, словно она была стеклянная. Он всегда провожал ее в церковь и был любимцем всех маменек. Все мальчишки ненавидели его — очень уж он был хорош, к тому же их постоянно допекали им. Белый носовой платок виднелся из его заднего кармана, якобы случайно, как всегда по воскресеньям. У Тома не было носового платка, и он считал мальчиков, обладавших им, хлыщами. Теперь вся конгрегация была в сборе, колокол прозвонил еще раз, чтобы поторопить отставших и замешкавшихся, и в храме водворилась торжественная тишина, нарушаемая шепотом и хихиканьем на хорах в галерее. Хоры шептались и хихикали все время, пока шла служба. Были когда-то благовоспитанные церковные хоры, но я забыл, где именно. Это было очень давно, так что у меня сохранилось лишь воспоминание, но было это, кажется, в какой-то чужой стране.

Пастырь назвал гимн и прочел его с чувством, в особой манере, которая очень нравилась в этом краю. Он начинал в среднем диапазоне, упорно забирался вверх, пока не достигал до известного пункта, тут с необыкновенным пафосом выкрикивал верхнее слово и разом падал вниз, точно с трамплина прыгал.

Найду ли путь на небеса, где радость, мир,
любовь,
Пока другие бьются здесь в борьбе, где льется
кровь?

Он считался превосходным чтецом. На церковных вечеринках его всегда просили прочесть какие-нибудь стихи, и когда он оканчивал, дамы воздевали руки к небу, затем беспомощно роняли их на колени, закатывали глаза и трясли головами, будто желая сказать: словами невозможно выразить; это слишком дивно, слишком дивно для нашей смертной земли!

После того, как гимн был пропет, достопочтенный мистер Спрэг превратился в листок объявлений и принялся читать извещения о митингах, собраниях и разных разностях, пока, наконец, список не разросся до того, что казалось, стены того и гляди треснут, — нелепый обычай, до сих пор сохранившийся в Америке, даже в городах, совершенно ненужный в наш век бесчисленных газет. Часто чем меньше оснований у традиционного обычая, тем труднее отделаться от него.

Затем священник прочел молитву. Хорошая, великодушная была молитва, и очень обстоятельная: она ходатайствовала за Церковь и малых детей Церкви, за другие церкви местечка; за само местечко; за округ; за Штат; за должностных лиц Штата; за Соединенные Штаты; за церкви Соединенных Штатов; за Конгресс; за Президента; за правительственных чиновников; за бедных моряков, носящихся по бурным морям; за миллионы угнетенных, стонущих под игом европейских монархий и восточного деспотизма; за тех, которые могли бы пользоваться светом и благой вестью, но чьи глаза не видят и уши не слышат; за язычников на отдаленных морских островах; заканчивалась она прошением, чтобы слова, которые собирался произнести пастырь, обрели милость и благоволение и упали, как семя на плодородную почву, принеся в свое время обильную и добрую жатву. Аминь.

Послышался шорох платьев, и стоявшие члены конгрегации уселись. Мальчик, о котором повествует

эта книга, не проникался молитвой, он только терпел ее, да и то с грехом пополам. Он ерзал все время; он бессознательно отмечал детали молитвы, так как хотя и не слушал, но знал ее издавна установленное содержание и определенный порядок изложения, выработанный священником, — поэтому ухо его улавливало малейшее изменение и все его существо возмущалось им; прибавки казались ему чем-то неблаговидным и бессовестным. В середине молитвы муха уселась на спинку скамьи, стоявшей перед ним, и смутила его дух, спокойно потирая лапки одну о другую; она охватила ими голову и принялась тереть с такой энергией, что шея вытянулась в ниточку и стала видной, а голова, казалось, вот-вот отлетит от туловища; задними лапками она чистила себе крылышки и приглаживала их, точно фалды фрака; вообще занималась своим туалетом так спокойно, точно знала, что может проделывать это совершенно безопасно. Так оно и было; впрочем: всякий раз, когда у Тома чесались руки схватить ее, он удерживался, — он был уверен, что душа его моментально погибнет, если он сделает такую штуку во время молитвы. Но при заключительных словах последней рука его начала изгибаться и подкрадываться; и как только раздалось «Аминь», муха оказалась военнопленной. Но тетка заметила это и велела выпустить ее.

Пастырь прочел текст и начал монотонную проповедь, до того усыпительную, что многие стали клевать носами, а между тем в ней шла речь о пламени и сере, и число избранных умаялось до такой крохотной кучки, что вряд ли стоило хлопотать о спасении. Том считал страницы проповеди; по окончании службы он всегда знал, сколько страниц было прочтено, но редко знал что-нибудь кроме этого. На этот раз, впрочем, его заинтересовало одно место проповеди. Пастырь нарисовал грандиозную и трогательную картину, когда все народы соберутся в одну семью, когда лев и ягненок будут лежать рядом и малое дитя поведет их. Но пафос, поучительность, мораль этой картины пропали для мальчика; он думал только об эффектной роли главного действующего лица перед собравшимися нациями; лицо его оживилось при этой мысли, и он соображал, что недурно бы ему самому быть этим малым дитятей, если лев ручной.

Потом он снова впал в уныние, когда возобновилась сухая аргументация. Внезапно он вспомнил об одном из своих сокровищ и вытащил его из кармана. Это был большой черный жук с громадными челюстями — щипун, как Том называл его. Он находился в коробочке от пистонов. Первым делом его было вцепиться в палец Тома. Естественно, последовал щелчок, жук отлетел в проход и шлепнулся на спину, а укушенный палец отправился в рот мальчика. Жук лежал, беспомощно перебирая лапами, и не мог перевернуться. Том смотрел на него, тянулся к нему, но достать не мог. Другие, не находившие интереса в проповеди, обрадовались жуку и тоже смотрели на него.

В это время к месту действия лениво подошел праздный пудель, разнеженный кроткою тишиной лета, тоскующий, утомленный пленом и искавший развлечения. Он почуял жука; его поникший хвост поднялся и пришел в движение. Он увидел добычу; обошел вокруг нее; понюхал издали; еще раз обошел кругом; осмелел и понюхал вблизи; затем поднял губу и попытался осторожно схватить жука; промахнулся; возобновил попытку еще и еще раз; понемногу увлекся этим развлечением; припал на брюхо, загребая жука лапами, и довольно долго продолжал эти штуки; наконец ему наскучило, он стал равнодушным и рассеянным. Голова его наклонялась мало-помалу, и в конце концов морда коснулась врага, который вцепился в нее. Раздался пронзительный визг, пудель мотнул головой, жук отлетел ярда на два дальше и снова шлепнулся на спину. Соседи тряслись от внутреннего смеха, иные закрывали лица веерами и носовыми платками, а Том был вполне счастлив. Пудель выглядел дураком и, вероятно, чувствовал себя дураком; но в сердце его кипела злоба и жажда мщения. Итак, он снова направился к жуку и принялся атаковать его на разные лады, кидаясь на него со всех точек круга, вытягивал передние лапы, почти касаясь ими жука, щелкал над ним зубами и тряс головой так, что уши болтались. Но спустя некоторое время ему снова надоело; он попробовал развлечься мухой, но и эта забава не пришлась по душе; начал было следить за муравьем, уткнувшись мордой в пол, но скоро устал; зевнул, вздохнул, совсем забыл о жуке и сел на него! На этот раз последовал дикий, отчаянный вой, и пудель заметался по проходу; вой не прекращался, как и метания; пудель махнул мимо алтаря, влетел в другой проход; промчался перед дверями, наполняя воплем всю церковь; боль придавала ему крылья, так что вскоре видна была только какая-то мохнатая комета, кружившаяся по своей орбите с скоростью света. Наконец неистовый страдалец свернул со своего пути и вскочил на колени к хозяину; тот выбросил его в окно, и жалобный вой быстро ослабел и замер вдали.

Тем временем все сидели красные, задыхаясь от подавленного смеха, а проповедь смолкла. Теперь она возобновилась, но шла уже вяло и с запинкой, и не было никакой возможности придать ей внушительность, так как самые суровые увещания встречались подавленными взрывами нечестивого веселья, под прикрытием задних скамей, точно проповедник отпускал забавнейшие шутки. Было истинным облегчением для всей паствы, когда эта пытка кончилась и последовало напутственное благословение.

Том Сойер пошел домой, совсем развеселившись, рассуждая про себя, что и божественная служба может быть не лишена прятности, если внести в нее некоторое разнообразие. Одна только мысль несколько омрачала его веселье: пусть себе пудель играл с его щипуном, но какое право он имел унести его с собой?

Глава VI

Самоисследование. — По зубо­врачебной части. — Полночь. — Духи и черти. — Счастливые часы.

Утро понедельника застало Тома несчастным. Таким он чувствовал себя всегда в понедельник утром, так как с него начиналась новая неделя медленной школьной пытки. Он обыкновенно встречал этот день желанием, чтобы вчерашнего воскресенья вовсе не было, так как после него еще тошнее идти в училище.

Том лежал, размышляя. Внезапно ему пришло в голову, что было бы недурно заболеть; в таком случае можно будет остаться дома. Представлялась смутная возможность. Он произвел обследование собственной особы. Никакого заболевания не обнаружилось; он исследовал вторично. На этот раз ему как будто удалось обнаружить признаки рези в животе, он возложил на них все надежды, ожидая усиления. Но вскоре они ослабели, а там и совсем исчезли. Он снова погрузился в размышления. Вдруг ему удалось открыть нечто. Один из его верхних зубов шатался. Это была удача; он было собрался уже завывать, как пес на луну, по его выражению, но тут ему пришло в голову, что если он пустит в ход этот аргумент, тетка, пожалуй, вырвет зуб, а это будет больно. Итак, он решил оставить зуб про запас и поискать еще. Сначала ничего не находилось, но потом он припомнил, как один доктор рассказывал о пациенте, пролежавшем две или три недели из-за больного пальца, который чуть было не пришлось отнять. Мальчик живо сдернул одеяло и осмотрел пальцы своих ног. Но он не знал, какие признаки требуются. Как бы то ни было, ему казалось, что попробовать стоит, так что он принялся стонать с большим воодушевлением.

Но Сид спал себе как убитый.

Том застонал еще громче, и ему показалось, что палец в самом деле начинает болеть.

Сид спал как ни в чем не бывало.

Том даже из сил выбился. Отдохнув немного, он поднатужился и испустил целый ряд великолепных стонов.

Сид знай себе храпел.

Том рассердился. Он позвал: «Сид, Сид!» — и принялся расталкивать его. Это возымело действие, и Том снова начал стонать. Сид зевнул, потянулся, приподнялся на локте, крикнул и уставился на Тома. Том продолжал стонать. Сид сказал:

— Том, а Том!

Ответа не было.

— Послушай, Том! Том! Что с тобою, Том?

Он толкнул его и с беспокойством заглянул в лицо.

Том простонал:

— Ох, не толкайся, Сид. Не тронь меня...

— Да что же с тобой, Том? Я позову тетю.

— Нет, ни под каким видом. Может быть, это пройдет, понемногу. Не зови никого.

— Но я должен позвать! Не стони так, Том, просто страшно. Давно это с тобой случилось?

— Давно, уже несколько часов. Ох! О, не возись так, Сид. Ты меня убьешь...

— Том, да что же ты не разбудил меня раньше? О, Том, перестань! Меня просто дрожь пробирает от твоих стонов. Том, что у тебя такое?

— Я прощаю тебе все, Сид. (Стон.) Все, что ты сделал мне... Когда я умру...

— О, Том, ты не умираешь, нет! Не надо, Том. О, не надо. Может быть...

— Я всем прощаю, Сид. (Стон.) Скажи им это, Сид. И пожалуйста, Сид, отдай мой оконный переплет и одноглазого котенка новой девочке, которая на днях приехала, и скажи ей...

Но Сид уже накинул платье и исчез. Теперь Том действительно страдал, — так успешно работало его воображение; стоны его выходили почти естественными.

Сид опрометью слетел с лестницы и крикнул:

— О, тетя Полли, идите скорей! Том умирает!

— Умирает?!

— Ну да! Идите же скорей!

— Глупости! Не верю!

Однако она бросилась вверх по лестнице, а Сид и Мэри за нею. И лицо ее побелело, и губы дрожали. Подбежав к постели, она проговорила:

— Том, что с тобой?

— О, тетя, у меня...

— Что у тебя, да что же такое у тебя, дитя?

— О, тетя, у меня на пальце антонов огонь!

Старушка опустила­сь на стул и засмеялась, потом заплакала, потом засмеялась и заплакала разом. Это

облегчило ее, и она сказала:

— Том, как ты меня перепугал. Ну, будет тебе дурачиться, вставай-ка!

Стоны прекратились, и палец перестал болеть. Мальчик чувствовал себя в довольно глупом положении и сказал:

— Тетя Полли, мне показалось, что на пальце антонов огонь, и он так болел, что я и о зубах позабыл.

— О зубах? А что же с твоими зубами?

— Один шатается и страсть как болит.

— Ну, ну, не начинай опять стонать. Открой-ка рот. Да, зуб у тебя шатается, но от этого ты не умрешь.

Мэри, дай-ка мне шелковинку и принеси головешку из кухни.

Том взмолился:

— О, пожалуйста, тетя, не выдергивайте его, он уже прошел. Да если и заболит, я не пикну.

Пожалуйста, не выдергивайте, тетя. Я не хочу оставаться дома.

— О, ты не хочешь, не хочешь? Значит, ты поднял всю эту суматоху для того, чтобы остаться дома, не идти в школу, а отправиться удить рыбу. Том, Том, я тебя так люблю, а ты точно стараешься всеми способами разбить мое старое сердце своим озорством!..

Тем временем зуболюбные инструменты были принесены. Старушка обвязала шелковинкой зуб Тома, а другой конец ее прикрепила к спинке кровати. Затем схватила горящую головешку и ткнула ее почти в лицо мальчику. Зуб повис, болтаясь на спинке кровати.

Но за всяким испытанием следует награда. Когда Том после завтрака отправился в школу, он возбуждал зависть каждого встречного мальчика, так как пустота в верхнем ряду зубов давала ему возможность сплевывать новым и замечательным способом. Он даже собрал вокруг себя целую свиту мальчуганов, заинтересованных этим представлением; а один из них, который порезал себе палец и был до тех пор центром общего восхищения, внезапно оказался без единого приверженца, и слава его разом померкла. Он обиделся и заметил с презрением, которого в действительности не чувствовал, что не важная штука плевать, как Том Соьер; но другой мальчик сказал: зелен виноград! — и развенчанный герой удалился.

Вскоре Том встретил юного отверженного деревни, Гекльберри Финна, сына местного пьяницы. Гекльберри внушал искреннюю ненависть и страх всем местным маменькам, так как был лентяй и сорванец, и грубиян, и скверный мальчишка, и так как все их дети восхищались им, искали его запретного общества и жалели, что у них не хватает храбрости быть таким, как он.

Том не отличался в этом отношении от остальных порядочных мальчиков деревни, то есть завидовал отверженному, но славному положению Гекльберри, с которым ему тоже было строжайше запрещено играть. Естественно, он играл с ним при всяком удобном случае. Гекльберри всегда носил негодные платья взрослых, которые пестрели на нем разноцветными пятнами и развевались лохмотьями. Шляпой ему служила настоящая развалина с дырой в виде полумесяца на полях; куртка, если таковая имелась на нем, достигала до пят, а ее задние пуговицы приходились гораздо ниже спины; штаны держались на одной подтяжке, висели сзади мешком, и обтрепанные концы их волочились по грязи, если не были подвернуты. Гекльберри жил вольной птицей. В хорошую погоду он ночевал на первом попавшемся крыльце, а в плохую в пустой бочке; не был обязан ходить ни в школу, ни в церковь, ни называть кого-нибудь учителем, ни слушаться кого-нибудь; мог удить рыбу или купаться, где и когда хотел, сколько душе угодно; никто не запрещал ему драться; он мог ложиться спать так поздно, как хотел; весной он первый из мальчиков начинал ходить босиком, а осенью последний надевал башмаки; ему не нужно было умываться или надевать чистое платье; ругался он артистически. Словом, на долю этого мальчика досталось все, что делает жизнь отрадней. Так думал всякий изнемогавший от муштровки приличный мальчик в С.-Питерсбурге. Том окликнул романтического бродягу.

— Эй, Гекльберри, поди-ка сюда!

— Иди сам, да посмотри, какова штука.

— Что у тебя там?

— Дохлая кошка.

— Покажи-ка, Гек. Черт, совсем окоченела. Где добыл?

— Купил у мальчика.

— Что дал?

— Голубой билетик и пузырь, который достал на бойне.

— А где взял голубой билетик?

— Купил у Бена Роджерса две недели назад за хлыстик для обруча.

— Скажи — на что годится дохлая кошка, Гек?

— На что годится? Сводить бородавки.

— Ну? Разве? Я знаю средство получше.

— Бьюсь об заклад, что не знаешь. Какое средство?

— Дупляная вода.

— Дупляная вода? Гроша не дам за дупляную воду.

— Не дашь, не дашь? Да ты разве пробовал?

— Нет, я-то не пробовал. Зато Боб Таннер пробовал.

— Кто тебе сказал?

— Видишь, он сказал Джеффу Татчеру, а Джефф сказал Джони Бекеру, а Джони сказал Джиму Голлису, а Джим сказал Бену Роджерсу, а Бен Роджерс сказал негру, а негр сказал мне. Вот оно как!

— Ну, что же из этого? Все они лгут. По крайней мере все, кроме негра, — его я не знаю. Но я еще не видывал негра, который бы не лгал. Враки! Ну-ка, расскажи мне, как Боб Таннер проделал это?

— Ну, он взял да засунул руку в гнилой пень, где накопилась дождевая вода.

— Днем?

— Разумеется.

— Передом к пню?

— Да. То есть, я так думаю.

— Говорил он что-нибудь, когда делал это?

— Кажется, нет, не знаю.

— Ага! Что и говорить, сведешь бородавки таким дурацким образом! Так ничего не выйдет. Надо пойти в лес, где знаешь гнилой пень с водой, и ровно в полночь подойти к нему задом, засунуть в него руку и сказать:

Ячменное зерно, ячменное зерно, кукурузные отсевки.

Дупляная вода, дупляная вода, проглоти бородавки.

А потом живо отойти на одиннадцать шагов, зажмурив глаза, три раза первернуться и идти домой, и никому не говорить. Потому, если расскажешь, все колдовство пропадет.

— Ну да, оно похоже на правду; но Боб этого не делал.

— Да уж будь покоен, об заклад можешь побиться, что не делал: ведь он самый бородавчатый мальчик в деревне; а если бы он умел орудовать с дупляной водой, у него не было бы ни одной бородавки. Я свел тысячи бородавок с моих рук этим способом, Гек. Я ведь часто вожусь с лягушками, так у меня всегда много бородавок. Иногда я их свожу бобом.

— Да, бобы — это хорошо. Я сам испытал.

— Ты? Каким способом?

— Надо взять и разделить боб на две половинки, потом надрезать бородавку так, чтобы вытекло немного крови, и намочить кровью одну половинку боба, а потом вырыть ямку на перекрестке и закопать в нее ту половинку ночью, когда нет луны, а другую половинку сжечь. Понимаешь, та половинка, которая смазана кровью, будет все съезживаться да съезживаться, чтобы притянуть к себе другую половинку, а это поможет крови стянуть бородавку, и она живо сойдет.

— Да, это верно, Гек, это верно; только, когда закапываешь, нужно говорить: «В землю боб, долой бородавка; не замай меня больше!» — так лучше выходит. Так и Джо Гарпер делает, а он был близ Кунвилля, да и где только не был. Но скажи — как же ты их сгоняешь дохлой кошкой?

— Вот как. Возьми ты кошку и ступай, и приходи задолго до полуночи на кладбище, где похоронен какой-нибудь злодей; а когда настанет полночь, придет черт, а может и два, и три, только ты их не увидишь, а услышишь, словно бы ветер шумит, а может и разговор их услышишь; и как потащат они того молодца, ты швырни им вслед кошку и скажи: «Черт за телом, кошка за чертом, бородавка за кошкой, чур меня все вы!» Это всякую бородавку сгонит.

— Должно быть, верно. Ты пробовал когда-нибудь, Гек?

— Нет, но мне рассказала старуха Гопкинс.

— Ну, значит, верно; ведь она, говорят, ведьма.

— Говорят! Я это знаю, Том. Она заколдовала отца. Он сам сказывал. Идет он раз, — глядь, а она стоит и заколдовывает его. Он в нее камнем запустил, та увернулась.

Что же ты думаешь, в ту же ночь он свалился с навеса, на котором заснул пьяный, и сломал себе руку.

— Экие страсти! Как же он узнал, что она его заколдовывает?

— Отец говорит, что узнать не штука. Он говорит, что когда смотрят на тебя пристально, то значит заколдовывают, особенно если при этом бормочут. Потому что бормочут «Отче наш» навыворот.

— Когда же ты думаешь испытать кошку, Гек?

— Сегодня ночью. Я думаю, они придут сегодня ночью за старым Госсом Вильямсом.

— Да ведь его схоронили в субботу! Разве они не утащили его в субботу ночью?

— Эх, сказал тоже! Ведь до полуночи их сила не действует, а с полночи уже воскресенье начинается.

По воскресеньям-то, я думаю, чертям не разгуляться.

— Я и не подумал. Это верно. Можно мне с тобой?

— Конечно, если не боишься.

— Бояться! Есть чего! Ты мяукнешь?

— Да, и ты мяукни в ответ, если удобно будет. А то я прошлый раз мяукал да мяукал, пока старик Гейс не швырнул в меня камнем, промолвив: «Черт бы побрал этого кота!» За это я пустил ему кирпичом в окошко. Только ты никому не рассказывай.

— Не скажу. Я не мог мяукать в тот раз потому, что тетя с меня глаз не спускала, но сегодня мяукну.

— А что это у тебя, Гек?

— Ничего, клещ.

— Где ты его поймал?

— В лесу.

— Что возьмешь за него?

— Не знаю. Мне не хочется продавать.

— Твое дело. Клещик-то маленький.

— Чужого-то клеща всякий может охаять. Я им доволен. Для меня он хороший клещ.

— Да ведь клещей-то пропасть. Я их тысячу наберу, если захочу.

— За чем же дело стало? То-то, сам знаешь, что не наберешь. Клещ-то ведь очень ранний. Это первый клещ, которого я видел в нынешнем году.

— Слушай, Гек, я тебе дам за него мой зуб.

— Покажи.

Том достал клочок бумаги и осторожно развернул. Гекльберри внимательно осмотрел зуб. Соблазн был велик. Наконец он сказал:

— А он настоящий?

Том приподнял губу и показал пустое место.

— Ну, ладно, — сказал Гекльберри, — по рукам.

Том посадил клеща в коробочку от пистонов, служившую недавно темницей для щипуна, и мальчики разошлись, причем каждый чувствовал себя богаче, чем был раньше.

Дойдя до маленького, стоявшего отдельно домишки, в котором помещалась школа, Том вошел в него быстро, с видом добросовестного малого, спешившего во всю мочь. Он повесил шляпу на вешалку и бросился на свое место с деловым рвением. Учитель, восседавший на возвышении в большом просиженном кресле, дремал, убаюканный монотонным гудением учеников. Звонок на перерыв разбудил его:

— Томас Сойер!

Том знал, что когда произносилось его полное имя, это не предвещало ничего доброго.

— Сэр?

— Поди сюда. Ну, сэр, почему вы изволили опоздать, по обыкновению?

Том придумывал, что бы соврать, как вдруг увидел две длинные светло-русые косы, висевшие вдоль спины, которую он тотчас узнал благодаря электрической силе любви; и рядом с этой девочкой находилось единственное свободное место в классе. Он немедленно ответил:

— Я остановился поболтать с Гекльберри Финном.

У учителя дух захватило, он остолбенел. В классе стихло, ученики спрашивали себя, с ума, что ли, сошел этот отчаянный малый. Наконец учитель сказал:

— Ты... что ты сделал?

— Остановился поболтать с Гекльберри Финном.

Ослышаться было невозможно.

— Томас Сойер, это самое бесстыдное признание, какое только мне приходилось слышать; линейка слишком слабое наказание за такую наглость. Снимай куртку.

Рука учителя действовала, пока он не выбился из сил, и пук розог значительно уменьшился. Затем последовало приказание:

— Теперь, сэр, изволь-ка сесть с девочками. Пусть это послужит тебе уроком.

Хихиканье, раздавшееся в классе, по-видимому, смутило мальчика, но в действительности это смущение было следствием его благоговения перед неведомым кумиром и неземного блаженства, так удачно доставшегося на его долю. Он присел на кончике сосновой скамьи, а девочка отодвинулась от него, тряхнув головкой.

Ученики перешептывались, переглядывались, подталкивали друг друга, но Том сидел смирно, облокотившись обеими руками на длинный низкий пюпитр, и, по-видимому, погрузился в учебник. Мало-помалу на него перестали обращать внимание, и тоскливая атмосфера наполнилась обычным

школьным жужжаньем. Тогда мальчик начал украдкой поглядывать на свою соседку. Она заметила это, сделала ему гримасу и отвернулась. Когда она осторожно оглянулась, перед ней лежал персик. Она оттолкнула его; Том тихонько придвинул снова; она опять оттолкнула, но уже не так сердито. Том терпеливо передвинул его на прежнее место; она оставила его в покое. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите — у меня есть еще». Девочка взглянула на надпись, но, по-видимому, осталась равнодушной. Тогда мальчик принялся рисовать что-то на грифельной доске, прикрывая свою работу левой рукой. В течение некоторого времени девочка не хотела смотреть, но в конце концов ее естественное любопытство стало проявляться чуть заметными признаками. Мальчик рисовал, по-видимому, поглощенный своей работой. Девочка сделала попытку посмотреть, впрочем, неопределенную, но мальчик не показал вида, что замечает. Тогда она сдалась и нерешительно шепнула:

— Покажите мне.

Том открыл безобразнейшую карикатуру дома с двускатной крышей и трубой, из которой вился дым наподобие штопора. Девочка крайне заинтересовалась этим произведением и, по-видимому, забыла обо всем остальном. Когда он кончил, она полюбовалась с минуту и прошептала:

— Очень мило. Нарисуйте человека.

Художник изобразил на переднем плане человека, похожего на вешалку. Он мог бы перешагнуть через дом, но девочка не была взыскательна; она осталась довольна этим уродом и прошептала:

— Очень красивый человек. Теперь нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы с полной луной наверху и соломенными руками и ногами, вооружив растопыренные пальцы чудовищным веером. Девочка сказала:

— И это очень мило. Хотелось бы мне уметь рисовать.

— Это очень просто, — прошептал Том. — Я вас научу.

— О, научите? Когда?

— В полдень. Вы пойдете домой обедать?

— Я останусь, если хотите.

— Отлично — так ладно будет. Как вас зовут?

— Бекки Татчер. А вас? Впрочем, я знаю. Ваше имя — Томас Сойер.

— Это мое имя, когда меня колотят. А когда я хороший, тогда я Том. Зовите меня Том, хорошо?

— Хорошо.

Том снова начал царапать что-то на доске, закрывая рукой от девочки.

Но теперь она не отворачивалась. Она просила показать ей. Том сказал:

— О, ничего нет.

— Нет, есть.

— Нет, нет, да вам и не интересно.

— Интересно, право, интересно. Пожалуйста, покажите.

— Вы никому не скажете?

— Нет, никому — честное слово, честное слово, и самое честное слово, не скажу.

— Никому на свете? Пока живы?

— Никому на свете. Покажите же.

— Да нет, вам вовсе не интересно!

— Ну, коли вы так, то я сама посмотрю, Том, — с этими словами она протянула свою маленькую ручку, и началась легкая борьба. Том делал вид, что серьезно сопротивляется, но мало-помалу отодвигал руку, пока не открылись слова:

Я вас люблю.

— Ах, вы негодный!

Она довольно звонко шлепнула его по руке, однако заалелась и, видимо, была довольна.

В эту самую минуту мальчик почувствовал, что чьи-то роковые пальцы медленно стискивают его ухо и приподнимают его со скамьи. В таком положении он был проведен через весь класс на свое место, под беглым огнем общего хихинья. В течение нескольких грозных мгновений учитель стоял над ним, а затем вернулся на свое место, не сказав ни слова. Но хотя ухо у Тома горело, сердце его ликовало.

Когда класс успокоился, Том сделал честную попытку заняться, но волнение его было слишком велико. На уроке чтения он сбивался, на уроке географии превращал озера в горы, горы в реки, реки в материки, восстановив древний хаос; а на уроке правописания провалился окончательно, преврав ряд простейших

детских слов, за что и был переведен в последний разряд, лишившись оловянной медали, которую с гордостью носил уже несколько месяцев.

Глава VII

В школе. — Учитель живописи. — Промах.

Чем усерднее Том старался сосредотачиваться на учебнике, тем упорнее разбредались его мысли, — так что, наконец, он зевнул, вздохнул и бросил книгу. Ему казалось, что полдень никогда не наступит. Неподвижный воздух точно замер. Хоть бы что шелохнулось. Это был самый сонный из всех сонных дней. Усыпительное бормотание двадцати пяти школьников убаюкивало души, точно чары, таящиеся в гудении пчел. Вдали Кардиж Гилль, залитый волнами света, поднимал свою зеленую вершину в мерцающей дымке летней мглы, отливавшей пурпуром; несколько птиц скользили в высоте на усталых крыльях; никаких других живых существ не было видно, кроме козлов, да и те спали.

Сердце Тома томилось жаждой свободы или хоть какого-нибудь развлечения, которое помогло бы ему скоротать это скучное время. Случайно он опустил руку в карман, и лицо его озарилось благодарностью, равной молитве, хотя он и не знал этого. Он потихоньку вытащил пистонную коробочку и выпустил клеща на стол. Эта крошечная тварь, вероятно, тоже переполнилась в этот момент молитвенной благодарностью, которая, однако, оказалась преждевременной, так как лишь только она поползла в одну сторону, Том булавкой повернул ее в другую.

Рядом с Томом сидел его закадычный друг, так же изнывавший от тоски и так же глубоко и благодарно обрадованный развлечением. Этот закадычный друг был Джо Гарпер. Всю неделю они дружили, а по воскресеньям становились во главе враждебных армий. Джо достал булавку из-за обшлага куртки и принял участие в возне с пленником. Забава с каждой минутой становилась интереснее. Вскоре Том нашел, что они мешают друг другу, так что ни один не пользуется клещом всласть. Поэтому он взял грифельную доску Джо и провел посередине ее черту сверху донизу.

— Вот, — сказал он, — пока клещ будет на твоей половине, ты гоняй его, сколько хочешь, а я не буду трогать; а если он удерет на мою половину, ты должен оставить его в покое, пока я не упушу его за черту.

— Ладно, начинай.

Клещ вскоре удрал от Тома и переполз через экватор. Джо дразнил его, пока он не улизнул обратно. Поле действия менялось, таким образом, довольно часто. Пока один мальчик с захватывающим увлечением возился с клещом, другой следил за возней с неменьшим интересом, головы обоих склонились над доской; они забыли обо всем на свете. Наконец счастье, по-видимому, перешло на сторону Джо. Клещ пробовал и так и сяк, менял направление, волнуясь и возбуждаясь не меньше, чем сами мальчики, но всякий раз, как победа была уже, так сказать, в его руках, и пальцы Тома начали шевелиться, булавка Джо проворно загораживала ему путь и направляла его обратно. Том, наконец, не вытерпел. Искушение было слишком велико. Он протянул булавку и помог клещу. Джо моментально взбесился.

— Том, оставь его в покое!

— Я только чуть-чуть погоняю его, Джо.

— Нет, сэр, это нечестно. Сейчас оставь его.

— Пустяки, я только немножко пошевелю.

— Оставь его, говорят тебе.

— Не хочу.

— Ты должен, — он на моей стороне.

— Послушай, Джо Гарпер, чей это клещ?

— Мне нет дела до того, чей клещ, — он на моей стороне и ты его трогать не будешь.

— А вот же буду. Клещ мой, и я буду делать с ним, что хочу!

Здоровенный тумак обрушился на спину Тома, такой же на спину Джо, и в течение двух минут пыль летела из обеих курток, к восторгу всей школы. Мальчики так увлеклись, что не заметили внезапно наступившей тишины, когда учитель подкрался к ним на цыпочках и остановился над ними. Он довольно долго смотрел на представление, а затем и со своей стороны внес в него некоторое разнообразие.

Когда наступил полуденный перерыв, Том полетел к Бекки Татчер и шепнул ей на ухо:

— Наденьте шляпку и сделайте вид, будто идете домой, а когда свернете за угол, то отстаньте от других и вернитесь назад переулком. Я пойду другой дорогой, обгоню их и вернусь тем же путем.

Она пошла в одной группе учеников, он — в другой. Немного погодя они встретились в конце переуллка, и когда вернулись в школу, в ней не было ни души. Они уселись, положив перед собой грифельную доску. Том дал Бекки грифель и водил ее руку — и таким образом они воздвигли другой удивительный дом. Когда же увлечение искусством стало остывать, принялись разговаривать. Том утопал в блаженстве. Он спросил:

— Вы любите крыс?

— Терпеть не могу.

— Ну да, живых — я тоже. Но я говорю о дохлых, которых можно привязать на веревочку и махать ими вокруг головы.

— Нет, крысы вообще мне не нравятся. Вот жевать резину — это я люблю.

— О, и я тоже. Жаль, что у меня нет ни кусочка!

— Хотите? У меня есть немножко. Я дам вам пожевать, но потом вы мне отдайте.

Это было очень приятно, и они жевали по очереди, болтая ногами от избытка удовольствия.

— Бывали вы в цирке? — спросил Том.

— Да, и папа обещал сводить меня еще раз, если я буду умницей.

— Я был в цирке три или четыре раза — множество раз. Церковь ничего не стоит перед цирком. В цирке все время представляют разные штуки. Когда я буду большой, то поступлю в клоуны.

— О, в самом деле? Это будет очень мило. Они такие пестрые.

— Да. И кроме того, они загребают кучу денег. Бен Роджерс говорил, по доллару в день. Послушайте, Бекки, а были вы когда-нибудь обручены?

— Что это такое?

— Ну, обручены, чтобы выйти замуж.

— Нет.

— Хотите?

— Пожалуй. Не знаю. На что оно похоже?

— На что? Да ни на что не похоже. Просто вы говорите мальчику, что вы будете его всегда, всегда, всегда, а потом поцелуетесь с ним, и все тут. Всякий может сделать это.

— Поцелуемся? Зачем же целоваться?

— Так уж, знаете, полагается — всегда так делают.

— Все?

— Ну да, все, которые влюблены друг в друга. Вы помните, что я написал на доске?

— Д-да!

— Что же?

— Не скажу.

— Хотите, я вам скажу?

— Д-да — только в другой раз.

— Нет, теперь.

— Нет, не теперь, — завтра.

— О, нет, *теперь*, пожалуйста, Бекки. Я вам на ушко скажу, тихонько-тихонько.

Бекки колебалась, Том принял ее молчание за знак согласия и, обвив рукой ее талию, нежно прошептал ей на ушко заветные слова. Затем он прибавил:

— Теперь и вы мне шепните то же самое.

Сначала она отнекивалась, потом сказала:

— Только вы отверните лицо, чтобы не видеть, тогда я скажу. Но вы не должны никому рассказывать — обещаете, Том? Не рассказывать никому, обещаете?

— Никому, честное, честное слово. Ну, Бекки.

Он отвернул лицо. Она робко наклонилась к нему, так близко, что ее дыхание шевельнуло его кудри, и прошептала:

— Я люблю вас.

Затем она вскочила со скамьи и бегала от Тома вокруг столов и скамеек, пока не забила в уголок, закрыв лицо своим белым передничком. Том обвил руками ее шею и принялся уговаривать.

— Теперь, Бекки, все сделано — остается только поцеловаться. Ты не бойся — это ничего. Пожалуйста, Бекки.

Он стал отнимать от ее лица руки и передник.

Мало-помалу она уступила и опустила руки; личико ее, разгоревшееся от борьбы, выглянуло и покорилось. Том поцеловал ее в алые губки и сказал:

— Теперь все, Бекки. Но знаешь, после этого ты уже не должна любить никого другого и не выходить замуж ни за кого другого — никогда, никогда, навеки. Хорошо?

— Да, я никогда не буду любить никого, кроме тебя, Том, и никогда не выйду замуж ни за кого другого, и ты тоже ни на ком не женишься, кроме меня, правда?

— Конечно. Разумеется. Это уж само собой. И когда идем в школу или домой, ты всегда должна ходить со мной, если за нами не подсматривают — а в играх ты выбирай меня, а я буду выбирать тебя; так уж всегда делают, те, которые обручились.

— Ах, как славно! А я и не знала об этом.

— Еще как славно-то. Мы с Эми Лауренс...

Большие глаза сказали Тому о его оплошности, он запнулся, сконфузился.

— О, Том! Значит, я не первая, с которой ты обручился?

Девочка заплакала, Том сказал:

— О, Бекки, не плачь. Я ее больше и знать не хочу.

— Неправда, Том, — ты сам знаешь, что неправда.

Том попытался обнять ее, но она оттолкнула его, повернулась лицом к стене и продолжала плакать. Том снова попытался, говоря разные ласковые слова, и снова получил отпор. Тогда его гордость проснулась, он отошел и вышел из комнаты. Он постоял на улице, расстроенный и взволнованный, время от времени заглядывая в дверь, в надежде, что она раскается и подойдет к нему. Но она не двигалась. Тут ему сделалось совсем грустно и стало казаться, что он неправ. В нем происходила жестокая борьба, но он пересилил свой гонор и вошел в комнату. Бекки все еще стояла в углу, лицом к стене, и всхлипывала. У Тома защемило сердце. Он подошел к ней и постоял с минуту, не зная, как взяться за дело. Потом нерешительно сказал:

— Бекки, я... я никого не люблю, кроме тебя.

Никакого ответа — только рыдания.

— Бекки (умоляющим тоном).

— Бекки, скажи хоть словечко.

Рыдания усилились.

Том достал из кармана свою лучшую драгоценность, медную кнопку от каминной решетки, просунул так, чтобы она могла ее видеть, и сказал:

— Пожалуйста, Бекки, возьми ее себе.

Она швырнула ее на пол. Тогда Том вышел из комнаты и пошел, куда глаза глядят, решив не возвращаться сегодня в школу. Бекки догадалась, в чем дело. Она подбежала к двери; его не было видно; выбежала на рекреационный двор: его и там не было. Тогда она позвала:

— Том! Вернись, Том!

Она прислушалась, но ответа не было. Ее окружали тишина и безмолвие. Тут она села и снова расплакалась, и упрекала себя, а тем временем стали собираться школьники, и ей пришлось скрывать свою грусть, унимать свое разбитое сердце и нести крест свой в течение долгого томительного дня, не имея среди этих чужих близкой души, с которой бы можно было поделиться своим горем...

Глава VIII

Решение, принятое Томом. — Драматическое представление в лесу.

Том пробирался переулками, пока не очутился вне путей возвращения школьников, а затем печально поплелся дальше. Он перескочил два или три раза через узкий ручей, ввиду господствовавшего между школьниками поверья, будто переход через воду избавляет от погони. Спустя полчаса он был уже за домом вдовы Дуглас, на Кардижском холме, откуда школа чуть виднелась в долине. Он вошел в густой лес, пробрался в самую чащу и уселся на мху под развесистым дубом. Не было ни малейшего ветерка; удручающий полуденный зной заставил смолкнуть птиц; природа погрузилась в забытие, нарушавшееся иногда лишь отдаленным постукиванием дятла, от которого гнетущая тишина и чувство одиночества казались еще более глубокими. Душа мальчика была погружена в меланхолию; чувства его гармонировали с окружающим. Он долго сидел задумавшись, опираясь локтями о колени и подпирая руками подбородок. Ему-казалось, что жизнь, в лучшем случае, одна грусть, и он почти завидовал недавно скончавшемуся Джимми Годжесу. Должно быть, очень покойно, думалось ему, лежать и дремать, и грезить, вечно, вечно, меж тем как ветерок шелестит листьями и ветвями и ласкает траву и цветы на могиле, — и не испытывать больше никаких тревог и огорчений, никогда, никогда. Если бы только у него был хороший аттестат от воскресной школы, он был бы готов уйти из этого мира и развязаться со всеми. Вот хоть бы эта девочка. Что он ей сделал? Ничего. Он к ней всей душой, а она обошлась с ним, как с собакой, — право, как с собакой. Когда-нибудь пожалеет — да, пожалуй, уже поздно будет. Ах, если бы можно было умереть *на время!* Но упругое юное сердце не может долго оставаться сжатым. Незаметно Том начал возвращаться к тревогам здешней жизни. Что если он возьмет да пропадет без вести? Что если он уйдет далеко-далеко, в неведомые заморские края, с тем, чтобы не возвращаться обратно? Что она тогда почувствует? Мысль сделаться клоуном снова пришла ему в голову, но возбудила только отвращение. Grimасы, шутки, пестрые штаны, все это показалось оскорблением для духа, витавшего в туманном, возвышенном мире романтики. Нет, он сделается солдатом и вернется после многих лет отсутствия, испытанный в боях и покрытый славой. Или, еще лучше, присоединится к индейцам и будет охотиться за буйволами, и воевать в горах и широких бездорожных равнинах Дальнего Запада, и когда-нибудь вернется великим вождем, в перьях, страшно

размалеванный, и ввалится в воскресную школу, в скучное летнее утро, с грозным боевым кличем, на зависть товарищам. Но нет, есть нечто еще более грандиозное. Он будет пиратом! Вот это так. Теперь будущность ясно представала перед ним, озаренная несказанным блеском. Имя его прогремит на весь мир, заставляя дрожать народы! Как славно он будет носиться по бурному морю на своем длинном, черном, быстроходном корабле «Дух Бури», с грозным флагом на фок-мачте! И вот, на вершине своей славы, он внезапно является в родную деревню и входит в церковь, загорелый и огрубевший от бурь и непогод, в черном бархатном колете и штанах, в огромных ботфортах, с малиновым шарфом, с блестящими пистолетами за поясом, с заржавленным от крови кинжалом на боку, в шляпе с развевающимися перьями, с черным флагом, на котором красуются череп и две скрещенные кости, и с восторгом слышит шепот: «Это Том Сойер, пират! Черный Мститель Испанских Морей!»

Да, это решено, его карьера определена. Он сбежит из дома и вступит на путь славы. Он уйдет завтра же утром. Надо поэтому подготовиться к путешествию. Он решил собрать свои средства. Неподалеку лежало свалившееся дерево; он подошел к нему и начал рыть землю у одного из его концов своим барлоуским ножом. Вскоре нож ударился обо что-то деревянное и пустое, судя по звуку. Он запустил руку в ямку и выразительно произнес нараспев:

— Чего тут нет, *явись!* Что тут есть, *оставайся!*

Затем он выкопал и открыл хорошенькую деревянную копилку. В ней лежал игральный шарик. Удивлению Тома не было границ. Он почесал в затылке с видимым смущением и сказал:

— Что бы это значило!

Затем он сердито отбросил шарик и задумался. Дело в том, что не сбылось поверье, которое он и его товарищи всегда считали непреложной истиной. Если закопать шарик с известными заклинаниями и оставить его на две недели и затем открыть с теми самыми словами, которые он только что произнес, то вы найдете все шарики, которые когда-либо потеряли, как бы далеко ни были они разбросаны. Но вот теперь эта затея очевидно и бесспорно провалилась. Все здание веры Тома было потрясено до основания. Он много раз слышал, что эта штука удавалась, но еще ни разу не слыхивал о неудаче. Ему не приходило в голову, что он и сам уже не раз пробовал ее, но потом не мог найти того места, где закапывал.

Он думал и гадал о причинах неудачи и наконец решил, что тут замешалась какая-нибудь ведьма, уничтожившая силу заговора. Ему хотелось удостовериться в этом, и, поискав кругом, он скоро нашел маленькую кучку песка, с воронковидным углублением наверху. Он приложил губы к углублению и сказал:

— Клопик, клопик, клопик, скажи мне, что я хочу знать! Клопик, скажи мне, что я хочу знать!

Песок зашевелился, маленький черный клоп выглянул на мгновение и исчез в испуге.

— Не говорит! Ясное дело, это ведьма устроила. Так я и знал.

Он знал, что если впуталась ведьма, то пиши пропало, и потому, обескураженный, решил махнуть рукой на это дело. Но ему пришло в голову, что шарик, который он бросил, еще пригодится. Он принялся искать его, но не мог найти. Тогда он вернулся к копилке и стал возле нее так же, как стоял, когда бросил шарик; затем достал из кармана другой шарик и бросил его в том же направлении, что и первый, приговаривая:

— Брат, найди своего брата!

Когда шарик упал, он подошел к нему и стал искать. Но шарик или не долетел, или перелетел, так что пришлось повторить попытку еще два раза. Последняя удалась. Оба шарика лежали на расстоянии фута друг от друга.

В эту минуту в зеленой чаще раздался слабый звук игрушечной жестяной трубы. Том скинул куртку и штаны, подпоясался подтяжкой и, раскидав хворост за свалившимся деревом, достал самодельный лук и стрелы, деревянный меч, жестяной рожок и, вооружившись всем этим, ринулся вперед, с голыми ногами, в развевающейся рубашке. Остановившись под высоким вязом, он проиграл ответный сигнал, а затем принялся подкрадываться, осторожно осматриваясь по сторонам. Он тихонько скомандовал воображаемой шайке:

— Стойте, молодцы! Не показывайтесь, пока я не протрублю.

Из-за деревьев показался Джо Гарпер, в таком же легком одеянии и так же солидно вооруженный, как Том. Том воскликнул:

— Стой! Кто идет по Шервудскому лесу без моего позволения?

— Гай Гисборн не нуждается ни в чьем позволении! Кто ты, что... что...

— Что смеешь держать такую речь, — живо подсказал Том, так как они говорили по книжке, на память.

— Кто ты, что смеешь держать такую речь?

— Кто я? Я Робин Гуд, о чем скоро узнает твой презренный труп.

— Так в самом деле это ты, знаменитый разбойник? Я рад сразиться с тобой за обладание этим веселым лесом. Выходи!

Они схватились за свои деревянные мечи, бросили остальную амуницию на землю, стали в боевую позу и начали правильный, аккуратный бой, два вверх, два вниз. Затем Том сказал:

— Ну, если ты приноровился, давай действовать живее.

Они начали действовать живее, пыхтя и обливаясь потом от усилий. Наконец Том крикнул:

— Падай! Падай! Что же ты не падаешь?

— Не хочу. Чего ты сам не падаешь? Тебе больше досталось.

— Это ничего не значит. Мне нельзя падать. В книжке этого нет. В книжке сказано: тогда ударом в спину он сразил бедного Гая Гисборна! Ты должен повернуться и подставить мне спину для удара.

Спорить против авторитетов не приходится — Джо повернулся, получил удар в спину и упал.

— А теперь, — сказал он, вставая, — давай я тебя убью. Так будет справедливо.

— Как же я могу? В книжке этого нет.

— Ну, так это подлость, и больше ничего.

— Вот что, Джо, ты можешь быть монахом Туком или Мачем, сыном мельника, и хватить меня дубиной; или, коли хочешь, вот что сделаем: я буду Ноттингэмским шерифом, а ты стань пока Робинот Гудом и убей меня.

Это разрешило вопрос к общему удовольствию, и упомянутые действия были выполнены. Затем Том снова превратился в Робина Гуда и истек кровью, благодаря предательнице монахине, плохо перевязавшей его рану. Джо, изображавший целую шайку плачущих разбойников, горестно стащил его в лес, вложил лук в его слабеющие руки, и Том сказал:

— Где упадет эта стрела, там погребите бедного Робина Гуда, под зеленым деревом. — Затем он пустил стрелу, упал навзничь и совсем было умер, да попал в крапиву и вскочил, так как это оказалось чувствительным для мертвого тела.

Мальчики оделись, спрятали оружие и пошли, сожалея, что разбойники перевелись, и недоумевая, чем современная цивилизация может возместить их утрату. Они говорили, что предпочли бы пробыть разбойниками в Шервудском лесу один год, чем президентами Соединенных Штатов всю свою жизнь.

Глава IX

Страхи и ужасы. — Появление призрака. — Индеец Джо.

Вечером, в половине десятого, Том и Сид по обыкновению отправились спать. Они прочли молитвы, и Сид вскоре заснул. Том не спал и ждал в лихорадочном нетерпении. Когда ему стало казаться, что близок рассвет, часы пробили десять! Просто беда. Нервное настроение побуждало его вертеться и ерзать, но он боялся разбудить Сиду. Итак, он лежал смирно, уставившись в темноту. Царила какая-то зловещая тишина. Мало-помалу в тишине стали выделяться едва уловимые звуки. Тиканье часов сделалось явственно слышным. Старые балки начинали таинственно побрякивать. Ступеньки на лестнице слабо зашуршали. Очевидно, духи пустились в свои похождения. Мерное глухое храпение доносилось из комнаты тетке Полли. А там раздалось несносное чириканье сверчка, которого никакая человеческая изобретательность не в силах утомить. Зловещее постукивание жука-часовщика в стене, у изголовья кровати, заставило Тома вздрогнуть, — оно означало, что чьи-нибудь дни сочтены. Вдали завывала собака, нарушая ночную тишину, ей ответил еще более отдаленный вой. Том лежал неподвижно. Наконец он убедился, что время остановилось и началась вечность; несмотря на свое волнение, он начал дремать; часы пробили одиннадцать, но он уже не слышал боя. Но вот раздалось, смешиваясь с его смутными грезами, самое меланхолическое мяуканье. Стук соседнего окна заставил его встрепетаться. Возглас: «Брысь, дьявол!» и звон пустой бутылки, разбившейся о дровяной сарай тетке Полли, окончательно разбудили его, и минуту спустя он уже оделся, вылез в окно и пробирался на четвереньках по крыше. Он осторожно мяукнул раза два, затем соскочил на крышу дровяного сарая, а с нее на землю. Гекльберри Финн был там со своей дохлой кошкой. Мальчики тронулись в путь и исчезли в темноте. Спустя полчаса они уже шли по высокой траве кладбища.

Это было кладбище старомодного западного типа. Оно находилось на холме, в полутора милях от деревни. Ветхая деревянная ограда вокруг него погнулась местами внутрь, местами наружу, но нигде не держалась прямо. Кладбище заросло травой и бурьяном. Все старые могилы осыпались. Ни одного надгробного камня не оставалось на месте; источенные червями кресты на могилах покосились, требуя опоры, но не находя ее. Когда-то на них были надписи: здесь покоится, и так далее, но теперь на большинстве из них нельзя было бы прочесть ничего даже при дневном свете.

Слабый ветерок стонал между деревьями, и Том испугался, не души ли это покойников жалуются, что их потревожили. Мальчики мало говорили, да и то чуть слышным шепотом, так как и время, и место, и окружающая торжественная тишина импонировали им. Они скоро нашли свежую насыпь, которую искали, и спрятались под тремя большими вязами, росшими группой в нескольких футах от могилы.

Они ждали молча в течение долгого, как им показалось, времени. Отдаленное угугуканье филина было

единственным звуком, нарушавшим мертвую тишину. Тому стало невмочь. Он должен был заговорить. Итак, он сказал шепотом:

— Как ты думаешь, Гек, нравится мертвецам, что мы здесь?

Гекльберри шепнул в ответ:

— Почему я знаю. А страшновато здесь, — как по-твоему?

— Еще бы.

Наступила продолжительная пауза, в течение которой мальчики обдумывали про себя этот вопрос. Затем Том прошептал:

— Послушай, Гек, как по-твоему, слышит Госс Вильямс наш разговор?

— Разумеется, слышит. По крайней мере, дух его слышит.

Том, помолчав, прибавил:

— Лучше бы мне сказать *мистер* Вильямс. Но я не хотел его обидеть. Все называют его Госс.

— То-то вот, надо десять раз подумать, когда говоришь о покойнике, Том.

Эта укоризна снова положила конец разговору. Вдруг Том схватил товарища за руку.

— Ш-ш!

— Что такое, Том? — Мальчики невольно ухватились друг за друга, с сильно бьющимися сердцами.

— Ш-ш! Вот опять! Да неужто не слышишь?

— Я...

— Вот! Теперь слышишь?

— Господи, Том, это они идут! Они наверно. Что нам делать?

— Не знаю. Ты думаешь, они увидят нас?

— Ох, Том, они видят в темноте не хуже кошек. Лучше бы нам не приходиться.

— Ну, не бойся. Я думаю, они не тронут нас. Что мы им сделали? А если будем сидеть смирно, может быть, и не заметят.

— Постараюсь, Том, но, Господи, я весь дрожу.

— Слушай!

Мальчики пригнули головы и слушали, чуть дыша. Глухие звуки голосов доносились с дальнего конца кладбища.

— Смотри, смотри! — шепнул Том. — Что это?

— Это чертов огонь. Ох, страшно, Том!

Какие-то темные фигуры приближались, размахивая старым жестяным фонарем, рассыпавшим по земле бесчисленные блестящие искры света. Вдруг Гекльберри прошептал с ужасом:

— Это черти, наверное. Трое! Господи, пропали мы, Том! Можешь прочесть молитву?

— Попробую, только не бойся. Они не тронут нас. Отходя ко сну...

— Ш-ш!

— Что такое, Гек?

— Это люди! По крайней мере, один из них. Я слышу голос старого Меффа Поттера.

— Да ну!.. Ты уверен?

— Ручаюсь, он. Не шевелись, не ерзай. Он не так зорек, чтобы заметить нас. Пьян по обыкновению, старый хрыч!

— Ладно, я буду сидеть смирно. Ну вот, стали. Ищут чего-то. Заторопились. Опять стали. Опять заторопились. Спешат во всю мочь. Теперь взяли вправо. Слушай-ка, Гек, я узнаю и другой голос. Это индеец Джо.

— Он и есть — проклятый метис! Лучше бы повстречаться с чертом. Что им тут понадобилось?

Шепот прекратился, так как трое людей подошли к могиле и стояли теперь в нескольких шагах от убежища мальчиков.

— Здесь, — сказал третий голос, и обладатель его приподнял фонарь, осветивший лицо молодого доктора Робинзона.

Поттер и индеец Джо принесли с собой носилки, на которых лежала веревка и пара лопат. Они положили на землю свою ношу и принялись разрывать могилу. Доктор поставил фонарь в головах у нее и уселся под вязом. Он был так близко от мальчиков, что они могли бы дотронуться до него.

— Живее, ребята! — сказал он вполголоса. — Луна того и гляди выйдет.

Они что-то проворчали в ответ и продолжали рыть. В течение некоторого времени слышен был только шорох лопат, сбрасывавших землю и песок. Было очень томительно. Наконец лопата с глухим деревянным звуком ударила о гроб, и спустя минуту люди вытащили его из могилы. Они сняли крышку своими заступами и грубо вывернули труп на землю. Луна выглянула из-за туч и осветила бледное лицо. Приготовили носилки, уложили на них тело, накрыли его одеялом и привязали веревкой. Поттер достал большой нож, отрезал болтавшийся конец веревки и сказал:

— Ну, косторез, проклятая работа готова, выкладывайте еще пять — или дело не выгорит.

— Правильно! — подтвердил индеец Джо.

— Послушайте, что это значит? — сказал доктор. — Вы потребовали плату вперед, и я заплатил вам.

— Да, вы и еще кое-что сделали, — сказал индеец Джо, подходя к доктору, который встал. — Пять лет тому назад вы меня выгнали из кухни вашего отца, когда я зашел однажды вечером и попросил чего-нибудь поесть. Вы сказали тогда, что я не с добром пришел, а когда я поклялся, что отплачу вам хотя бы через сто лет, ваш отец засадил меня в тюрьму, как бродягу. Вы думаете, я забыл это? Нет, во мне недаром индейская кровь. Теперь вы попались в мои лапы, и я с вами разделаюсь, будьте покойны.

Он грозил кулаком, поднося его к самому лицу доктора. Тот размахнулся и сбил с ног негодяя. Поттер выронил нож и крикнул:

— Не смей бить моего товарища!

Он схватился с доктором, и они стали бороться, напрягая все силы, топча траву, роя ногами землю. Индеец Джо, с горящими от бешенства глазами, вскочил, схватил нож Поттера и, подбираясь, как кошка, к дерущимся, выжидал удобной минуты. Доктор вырвался, схватил тяжелую доску с могилы Вильямса и ударом ее свалил Поттера; в ту же минуту метис кинулся и всадил нож по самую рукоятку в грудь молодого человека. Доктор упал, задев при падении Поттера и обливая его своей кровью, и в ту же минуту тучи окутали мраком ужасное зрелище, а перепуганные мальчики бросились бежать в темноте.

Когда месяц выглянул снова, индеец Джо стоял над двумя телами, рассматривая их. Доктор что-то пробормотал невнятно, раза два вздохнул и больше не шевелился. Метис процедил сквозь зубы:

— С тобой счеты кончены, будь ты проклят!

Затем он обобрал тело. После этого вложил нож в правую руку Поттера и уселся на гроб. Прошло несколько минут, Поттер зашевелился и застонал. Рука его стиснула нож; он поднял его, взглянул на него и выронил с испугом. Затем сел, оттолкнул труп, уставился на него, потом посмотрел вокруг мутным взглядом. Глаза его встретились с глазами Джо.

— Господи, что тут такое, Джо?

— Скверная штука, — ответил Джо, не двигаясь. — Зачем ты это сделал?

— Я! Никогда я этого не делал!

— Нет, братец, словами тут не отвертишься.

Поттер задрожал и побелел как полотно.

— Было бы мне остаться трезвым. Не годилось пить сегодня. Но у меня в голове шумит хуже еще, чем когда мы пришли сюда. Я совсем одурел, ничего не могу вспомнить. Скажи, Джо, *по чести* скажи, старина, — я это сделал? Я никогда не хотел этого; клянусь душой и честью, не хотел. Скажи мне, как это вышло, Джо?.. Ужас... Такой молодой, способный...

— Вы боролись, он хватил тебя доской; и ты растянулся; потом вскочил, шатаясь и спотыкаясь, схватил нож и всадил в него в ту самую минуту, когда он снова двинул тебя со всего размаху доской, затем ты упал и лежал все время, как чурбан.

— О, я не понимал, что делаю! Умереть мне на месте, если понимал! Все это от виски и от запальчивости, должно быть. Я и оружием-то никогда в жизни не пользовался, Джо. Драться дрался, но без оружия. Все это скажут. Джо, не рассказывай об этом! Обещай мне, что не расскажешь, Джо; будь добрым товарищем! Я всегда любил тебя, Джо, и заступался за тебя. Помнишь? Ты ведь не скажешь, не скажешь, Джо?

Бедняга бросился на колени перед хладнокровным убийцей, с мольбою сложив руки.

— Нет, ты всегда был хорош и добр ко мне, Мефф Поттер, и я отплачу тебе тем же. Верное слово.

— О, Джо, ты ангел! Я буду благословлять тебя по гроб жизни!..

И Поттер заплакал.

— Ну, ладно, довольно об этом. Теперь не время хныкать. Ты ступай той дорогой, а я этой. Улепетывай, да не оставляй за собой следов.

Поттер пустился бежать что есть силы. Метис постоял, глядя ему вслед. Он пробормотал:

— Если он так оглушен ударом и одурманен ромом, как можно подумать с виду, то не вспомнит о ноже, пока не убежит так далеко, что побоится вернуться. Цыплячье сердце!

Спустя три минуты только месяц смотрел на убитого человека, на завернутый в одеяло труп, на пустой гроб и разрытую могилу. Снова водворилась глубокая тишина.

Глава X

Клятва. — Ужас влечет за собою раскаяние. — Душевная пытка.

Оба мальчика летели стремглав к деревне, онемев от ужаса. Время от времени они оглядывались, как будто опасаясь погони. Всякий пень, попадавшийся на дороге, казался им человеком и врагом, так что у них

захватывало дух от испуга; а когда они добежали до первых коттеджей, лай потревоженных собак точно придал им крылья.

— Только бы добраться до старой кожевни, прежде чем выбьемся из сил! — прошептал Том, задыхаясь. — Мне не выдержать...

Гекльберри только пыхтел в ответ, и мальчики не спускали глаз с цели своих надежд, напрягая все силы, чтобы добежать до нее. Они упорно спешили к ней, и наконец, плечом к плечу, влетели в дверь и повалились на пол, обрадованные и обессиленные, под защитой темноты. Понемногу их пульс стал биться тише, и Том прошептал:

— Гекльберри, как ты думаешь, что из этого выйдет?

— Виселица, если доктор Робинзон умрет.

— Ты думаешь?

— Я уверен, Том.

Том подумал немного, потом сказал:

— А кто же расскажет? Мы?

— С какой стати нам рассказывать? Вдруг что-нибудь случится и индейца Джо не повесят? Ведь он не теперь, так после зарежет нас, — это так же верно, как то, что мы здесь лежим.

— Я и сам так думал, Гек.

— Если рассказывать, так пусть это делает Мефф Поттер, коли он так глуп. Его, пьяницы, хватит на это.

Том ничего не ответил, продолжая размышлять. Наконец он прошептал:

— Гек, Мефф Поттер ничего не знает. Как он может рассказать?

— По какой причине он не знает?

— А потому что удар оглушил его в ту самую минуту, когда индеец Джо сделал это. Что же ты думаешь, он видел что-нибудь? Думаешь, он знает что-нибудь?

— А ведь это верно, Том!

— И потом, видишь ли, может быть, этот удар совсем прикончил его!

— Ну, это навряд, Том. Он был пьян, я видел, да он и всегда таков. А я знаю, когда отец налижится, то бей ты его хоть церковью по башке, ему все нипочем. Наверно, и Мефф Поттер так. Совсем трезвого человека, пожалуй, такой удар уложил бы наповал.

Подумав еще немного, Том сказал:

— Гек, ты уверен, что можешь держать язык за зубами?

— Том, мы должны держать язык за зубами. Ты сам понимаешь. Этот чертов индеец не задумается утопить нас, как пару котят, если мы разболтаем, а его не повесят. Слушай, Том, мы должны дать клятву один другому, что будем держать язык за зубами.

— Согласен, Гек. Это самое лучшее. Возьмемся за руки и поклянемся, что мы...

— Э, нет, этого мало. Это годится для пустяков, для мелочей, особенно с девчонками, потому что они все равно тебя выдадут и проболтаются, когда разойдутся; но такую важную клятву надо написать. И притом кровью.

Том всей душой приветствовал эту мысль. Было глухо, темно, страшно; час, обстоятельства, обстановка гармонировали с таким делом. Он разыскал чистую сосновую щепку, освещенную луной, достал из кармана кусочек «красного киля»¹, уселся под лунным светом и с трудом вывел следующие строки, прикусывая кончик языка в начале строки и разжимая зубы, когда добирался до конца:

*Том Сойер кленетца никогда слова непикинуть и лучше умереть коли рот раскрыть Гек Фин
тоже и потписываем нашей кровью.*

Гекльберри был в восторге от искусства Тома и его возвышенного стиля. Он немедленно достал из-за обшлага булавку и хотел уколоть себе руку, но Том сказал:

— Постой! Не делай этого. Булавка-то медная. На ней может быть ярь.

— Какая такая ярь?

— Яд. Вот какая. Попробуй проглотить хоть немножко — тогда узнаешь.

Том размотал нитку с одной из своих иголок, и каждый из мальчиков уколол себе палец и выдавил каплю крови.

После многих попыток Том вывел мизинцем свои инициалы. Затем он показал Гекльберри, как вывести «Г» и «Ф», и клятва была совершена. Они зарыли щепку у самой стены, с разными зловещими церемониями и заклинаниями, и после этого были уверены, что языки их скованы и ключи от оков заброшены.

¹ Растение семейства бобовых, цветок которого по виду напоминает киль корабля; стебель содержит красящее вещество. (Прим. изд.)

Какая-то тень проскользнула в дыру на другом конце полуразвалившейся постройки, но они не заметили ее.

— Том, — прошептал Гекльберри, — это навсегда удержит нас от болтовни?

— Разумеется. Что бы ни случилось, мы должны молчать. Иначе умрем — сам знаешь.

— Да, должно быть, так.

Они продолжали шептаться некоторое время. Вдруг на улице раздался продолжительный, зловещий вой собаки, шагах в десяти от них. Мальчики ухватились друг за друга в ужасе.

— На кого из нас она? — насилу выговорил Гекльберри.

— Не знаю, погляди в щель. Живее!

— Ты погляди, Том!

— Не могу... не могу я, Гек!

— Пожалуйста, Том. Вот опять!

— О, слава тебе, Господи! — прошептал Том. — Я узнал голос. Это Булль Гарбисон².

— О, это хорошо, а я было до смерти перепугался, Том. Я бы побоялся, что это бродячая собака.

Собака опять завyla. У мальчиков снова защемило сердце.

— Ох, нет! Это не Булль Гарбисон! — прошептал Гекльберри. — Посмотри, Том!

Том, дрожа от страха, послушался и приложил глаза к щели. Затем сказал едва слышным шепотом:

— О, Гек, это бродячая собака!

— Живо, Том, живо! На кого она воет?

— Да на обоих нас, Гек, — мы ведь совсем рядом.

— Ох, Том, видно, пропали мы с тобой. Мне-то сомневаться нечего, куда я попаду. Я был таким негодяем.

— Да, плохо наше дело! А все оттого, что прогуливаешь школу и делаешь как раз то, что старшие не велят делать. Я бы мог быть таким же хорошим, как Сид, если бы попытался, — да нет, где мне! Но если теперь удастся выкрутиться, обещаю зубрить всю в воскресной школе!

Том начал слегка всхлипывать.

— Ты себя считаешь дурным! — при этих словах Гекльберри тоже начал всхлипывать. — Да ведь ты просто пряник в сравнении со мной, Том Сойер! Ох, Господи, Господи, Господи, хотел бы я быть хоть наполовину таким.

Том встрепенулся и прошептал:

— Смотри, смотри, Гек! Она стоит к нам задом!

Гек посмотрел с радостью в сердце.

— Верно, так и есть! А раньше так же стояла?

— Ну да. Я так одурел, что не сообразил этого. Ну, это пустяки, ты знаешь. Только на кого же она воет?

Вой прекратился. Том прислушался.

— Ш-ш! Что это? — прошептал он.

— Это... это как будто свиньи хрюкают. Нет, это храпит кто-то, Том.

— Да? Но где же, Гек?

— Как будто на том конце. Похоже на то. Отец, бывало, ночевал здесь, вместе со свиньями. Когда он храпит, так стены трясутся. Да и вряд ли он когда-нибудь вернется в эту деревню.

Страсть к приключениям снова проснулась в душах мальчиков.

— Гек, пойдешь ты, если я пойду впереди?

— Не очень-то хочется, Том. Что если это индеец Джо!

Том струхнул было. Но искушение оказалось чересчур сильным, и мальчики решили попытаться, условившись удирать во все лопатки, если храп прекратится. Они стали подкрадываться на цыпочках один за другим. Когда они были в нескольких шагах от храпевшего, Том наступил на щепочку, которая переломилась с треском. Спавший простонал, пошевелился, и лицо его попало в полосу лунного света. Это был Мефф Поттер. Мальчики так и замерли на месте, когда он пошевелился, но теперь их страх прошел. Они на цыпочках выбрались из полуразвалившегося сарая и остановились неподалеку проститься. В ночной тишине снова послышался протяжный, зловещий вой. Они обернулись и увидели бродячую собаку, которая стояла в нескольких шагах от того места, где лежал Поттер, мордой к нему.

— Ох, Господи, это она ему! — воскликнули оба мальчика разом.

— Послушай, Том, говорят, бродячая собака выла перед домом Джона Миллера, в полночь, две недели тому назад; и в ту же ночь к нему залетел козодой, сел на перила и кричал; а ведь никто же в доме не умер.

— Да, я знаю. Ну что же, что не умер? Однако Трэси Миллер упала на плиту и страшно обожглась в

² Если бы у мистера Гарбисона был невольник по имени Булль, Том назвал бы его «Гарбисонов Булль», но о сыне или о собаке, носивших это имя, говорилось «Булль Гарбисон». (Прим. автора.)

следующую субботу.

— Да, но не умерла же! А теперь ей лучше.

— Ну, подождем — увидим. Нет, уж она пропала, как и Мефф Поттер. Это говорят негры, а им эти вещи известны, Гек.

Они простились и разошлись в раздумье.

Ночь была уже почти на исходе, когда Том снова прокрался в окно спальни. Он разделся как можно тише и улегся спать, радуясь, что никто не заметил его отлучки. Он не знал, что притворно храпевший Сид не спал уже целый час.

Когда Том проснулся, оказалось, что Сид уже оделся и ушел. Судя по свету, было уже поздно. Том смутился. Почему же его не разбудили, не теребили, заставляя встать, как это бывало обыкновенно?.. Эта мысль наполняла его дурными предчувствиями. В какие-нибудь пять минут он оделся и спустился с лестницы, чувствуя себя разбитым и сонным. Семья еще сидела за столом, но уже кончила завтракать. Он не услышал ни слова упрека, но все старались не смотреть на него, и за столом царил торжественная тишина, от которой замирало сердце виновного. Он сел и старался казаться веселым, но дело не пошло на лад. Он не добился ни улыбки, ни ответа, и наконец сам умолк и приуныл.

После завтрака тетка отвела его к себе, и Том почти просиял, в надежде, что отделается поркой, — да не тут-то было! Тетка плакала над ним, и спрашивала, как может он так огорчать ее старое сердце, а в заключение сказала, что он может продолжать свое, пока не погубит себя и не сведет ее седины с горя в могилу, потому что не стоит ей и пытаться исправить его. Это было хуже тысячи пороков, и душа Тома заняла сильнее, чем тело. Он плакал, просил прощения, обещал непременно исправиться, и в конце концов получил отпущение, чувствуя, однако, что прощен лишь наполовину и что обещаниям его не слишком-то верят.

Он был так несчастен, что не подумал о мщении Сиду, так что последний напрасно спешил удрать в заднюю калитку. Уныло поплелся он в школу и выдержал порку, доставшуюся ему и Джо Гарперу за прогул накануне, с равнодушием человека, душа которого поглощена более серьезным горем и безучастна к пустякам. Потом он уселся на место, поставил локти на стол, подпер руками подбородок и уставился в стену с выражением застывшего страдания, которое достигло крайнего предела. Локоть его упирался во что-то твердое. Спустя некоторое время он медленно и с досадой убрал локоть и со вздохом взял этот предмет. Он был завернут в бумагу. Том развернул ее. Последовал глубокий, мучительный, громадный вздох, и сердце его разбилось. То была его медная кнопка от каминной решетки. Это была капля, переполнившая чашу!..

Глава XI

Появление на сцене Меффа Поттера. — Угрызения Тома.

Около полудня ужасная весть внезапно взбудоражила всю деревню. Хотя о телеграфе там еще и не мечтали, но известие распространилось из уст в уста, от группы к группе, из дома в дом, с почти телеграфической быстротой. Разумеется, школьный учитель распустил ребят после обеда; деревня нашла бы странным, если бы он не сделал этого. Окровавленный нож был найден рядом с телом убитого, и кто-то признал в нем нож Меффа Поттера, — так рассказывали. Говорили также, что какой-то запоздалый обыватель застал Поттера у ручья, где он умывался около часа или двух ночи, и что Поттер тотчас же улизнул от него — обстоятельство подозрительное, в особенности мытье, не входившее в привычки Поттера. Рассказывали далее, что в поисках убийцы (публика живо находит улики и выносит приговоры) обшарили весь город, однако найти его не удалось. По всем направлениям была разослана конная погоня, и шериф не сомневался, что его арестуют сегодня же.

Вся деревня собралась на кладбище. Том забыл о своем горе и отправился туда же, хотя ему было бы тысячу раз приятнее пойти куда-нибудь в другое место, но какое-то роковое, неизъяснимое очарование влекло его туда. Придя на ужасное место, он протискался сквозь толпу и увидел мрачную картину. Ему казалось, что он был здесь Бог знает как давно. Кто-то ущипнул его за руку. Он оглянулся, и его взгляд встретился с глазами Гекльберри. Оба тотчас взглянули по сторонам, опасаясь, не заметил ли кто-нибудь, что они обменялись взглядами, но все были заняты разговорами и страшным зрелищем.

— Бедняги! — Такой молоденький! — А все-таки это урок осквернителям могил! — Если поймают Меффа Поттера, болтаться ему на виселице.

Такие замечания раздавались кругом, а священник заметил:

— Это суд Божий; рука Его ясна здесь.

Том содрогнулся с головы до ног: взгляд его упал на зловещую физиономию индейца Джо. В эту минуту толпа зашевелилась, заволновалась и послышались голоса:

— Вот он! Вот он! Сам идет!

— Кто? Кто? — разом спросили два десятка голосов.

— Мефф Поттер!

— Остановился! Смотрите, назад поворачивает! Не пускайте его!

Люди, взобравшиеся на деревья, над головой Тома, говорили, что он и не пытался уйти, а только был смущен и как будто колебался.

— Адская наглость, — заметил один из присутствующих, — Вздумал полюбоваться на свое дело, только не ожидал встретить здесь людей.

Толпа расступилась, и шериф важно проследовал сквозь нее, ведя Поттера под руку. У бедняги было растерянное выражение, в глазах его светился ужас. Остановившись перед телом убитого, он задрожал, как в лихорадке, закрыл лицо руками и разрыдался.

— Это не я сделал, братцы, — проговорил он, всхлипывая, — честное слово даю вам, что не я.

— А кто же тебя обвиняет? — крикнул чей-то голос.

Это восклицание, по-видимому, попало в цель. Поттер отнял руки от лица и с беспомощным отчаянием обвел присутствующих взглядом. Увидев индейца Джо, он воскликнул:

— О, Джо, ты обещал мне, что никогда...

— Ваш это нож? — спросил шериф, бросив нож к его ногам.

Поттер пошатнулся и упал бы, если бы его не подхватили и не помогли ему сесть на землю. Тогда он сказал:

— Что-то мне говорило: вернись, не ходи!

Он вздрогнул, потом махнул ослабевшей рукой, как будто признавая себя побежденным, и сказал:

— Расскажи им, Джо, расскажи — что уж тут...

Затем Гекльберри и Том, онемев от изумления, слушали, как бессердечный лжец спокойно повторял свой рассказ, и ждали, что вот-вот с ясного неба грянет Божий гром на его голову, удивляясь только, что он так медлит. Когда же он кончил и стоял себе целый и невредимый, их нерешительное побуждение нарушить свою клятву и спасти жизнь одуроченному бедняге совсем пропало, так как ясно было, что этот нечестивец продал свою душу Сатане, а тягаться с тем, кто принадлежит такой силе, и думать нечего.

— Что же ты не убежал? Зачем пришел сюда? — спросил кто-то.

— Ничего не мог поделать, — простонал Поттер, — хотел было убежать, да что-то вот так и тянуло сюда.

Он снова зарыдал.

Спустя несколько минут индеец Джо так же спокойно повторил свое показание на допросе, под присягой; и мальчики, видя, что гром все-таки не грянул, окончательно укрепились в своей уверенности, что индеец Джо продал душу черту. Это сделало его в их глазах самым зловеще-интересным существом, какое им только случалось видеть, так что они не спускали своих очарованных глаз с его лица. Про себя они решили следить за ним по ночам при всяком удобном случае, в надежде увидеть когда-нибудь его страшного владыку.

Индеец Джо помог поднять тело убитого и положить его на телегу, причем по взволнованной толпе пробежал шепот, будто из раны выступила кровь! Мальчики думали, что это счастливое обстоятельство направит подозрение на верный путь, но им пришлось разочароваться, так как некоторые из присутствующих заметили:

— Еще бы, ведь он был всего в трех шагах от Меффа Поттера.

Страшная тайна и угрызения совести всю неделю затем смущали сон Тома, так что однажды утром за завтраком Сид сказал:

— Том, ты так вертишься и разговариваешь во сне, что не даешь мне спать почти всю ночь.

Том побледнел и опустил глаза.

— Это плохой знак, — сказала тетка Полли серьезно. — Что у тебя на душе, Том?

— Ничего. Ничего я не знаю.

Но рука у мальчика так дрожала, что он пролил кофе.

— И какой ты вздор несешь, — продолжал Сид. — Сегодня ночью ты говорил: «Это кровь, это кровь!» Ты повторял это много раз. А потом сказал: «Не мучьте меня, я все расскажу». Что расскажешь? О чем это ты хочешь рассказать?

У Тома в глазах потемнело. Бог знает, что бы могло случиться, если бы тревога не исчезла с лица тети Полли и она не помогла, сама того не зная, мальчику. Она сказала:

— Молчи. Все это ужасное убийство. Мне самой оно снится почти каждую ночь. Иногда снится, будто я сама его совершила.

Мэри сказала, что и ее очень расстроило это происшествие. Сид, по-видимому, удовлетворился этим. Том постарался улизнуть как можно скорее и после этого целую неделю жаловался на зубную боль, повязывал на ночь зубы платком, стягивая челюсти, чтобы не говорить. Он не знал, что Сид не спит по ночам